

АЛЕКСЕЙ АРЖАНОВ ✦ ВИКТОР МОЛОТОВ

ТОМ 5

ДРУИД

ДИКИЕ ЧАЩИ

Дубровский

Виктор Молотов

Друид. Том 5. Дикие Чащи

«Автор»

«Автор»

2026

Молотов В.

Друид. Том 5. Дикие Чащи / В. Молотов — «Автор», «Автор», 2026 — (Дубровский)

Тридцать лет я вырубал деревья и сколотил на этом целое состояние. А потом одно из них упало мне на голову. Очнулся после смерти в теле молодого дворянина в Российской Империи, где магия — это реальность. И теперь я друид. Последний в своём роду. На меня повесили большой долг. По соседству живёт граф, который спит и видит, как бы забрать мои земли. С другой стороны — Поволжская аномалия, которая обращает моих зверей в чудовищ. Что ж, я не первый раз начинаю с нуля. Насчёт бизнеса в лесу уже есть идеи, а вот с аномалией придётся повозиться! Ведь, чтобы выжить, я должен защищать сто пятьдесят гектаров леса, который чувствую как собственное тело.

© Молотов В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	45
Г	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виктор Молотов, Алексей Аржанов

Друид. Том 5. Дикие Чащи

Глава 1

Виктор молчал. Не смог выдать ответ сразу.

Я наблюдал за ним и даже без Круга Тишины прекрасно видел, как внутри охотника кружились мысли. Ему приходилось принимать тяжёлое решение. В таких ситуациях у него обычно всё на лице написано.

Желваки на скулах, взгляд, упёртый в одну точку. Пальцы сначала медленно сжимаются в кулак, потом разжимаются – и так по кругу. Я дал ему непростой выбор. Но уверен, что он примет правильное решение.

Со стороны могло показаться, что я и в самом деле передал ему право решать. Теперь кажется, будто жизнь Северского теперь зависит от слова сына, которого этот человек когда-то выкинул из дома.

На деле всё обстояло иначе.

Санаторий мой. Исток мой. Земля моя. Кого пускать к источнику, а кого нет, решаю только я и никто другой. Если бы я захотел, то вылечил бы Северского, не спрашивая ничего мнения. Или отказал бы ему и тоже никого бы не спросил.

Но я намеренно отдал слово Виктору. И дело вовсе не в том, что мне хотелось снять с себя ответственность. Причина иная.

Между этими двумя висит конфликт длиной в тринадцать лет, и закрыть его может только сам Виктор. Я здесь играю совершенно другую роль.

В прошлой жизни я усвоил простую вещь: некоторые конфликты нельзя разрулить сверху, отдав один безоговорочный приказ. Стороны должны договориться сами, иначе проблема всплывёт снова через год, через два, в самый неподходящий момент.

Я просто создал условия. Привёз сюда Виктора. Привёз штырь. Заставил Северского полностью выговориться. А теперь отдал последний ход тому, кто имел на него полное право.

Виктор поднял голову, выдохнул, а затем решительно заявил:

– Пусть лечится, Всеволод. Заберём его в санаторий.

Северский вздрогнул, его голова ненадолго оторвалась от подушки. Он явно не мог поверить услышанному.

– Витька...

– Помолчи, – оборвал его Виктор, не повышая голоса. – Я не ради тебя это говорю.

Он встал со стула. Прошёлся вдоль кровати до окна и обратно.

– Я тринадцать лет тебя ненавидел, – произнёс он. – Просыпался с этой ненавистью, засыпал с ней. Она меня держала на плаву, когда жрать было нечего. И знаешь, к чему я пришёл?

Северский молчал, глядя на сына снизу вверх.

– Я стал на тебя похож, – продолжил Виктор. – Ты сам сказал. Та же злоба, та же кровь. Я выслеживал тварей в аномалии и получал от этого удовольствие. Не от того, что спасал людей. Мне просто нравилось убивать этих монстров. А это – твоя черта. Злоба в чистом виде.

Я стоял у стены и не вмешивался. Сейчас любая моя реплика была бы лишней. Человек проговаривал вслух то, что не решался сказать даже самому себе, и моя задача сводилась к одному: не мешать.

– Если я скажу “пусть подышает”, – Виктор остановился у изножья кровати, – значит, ты победил. Значит, я и в самом деле – молодая версия тебя. А я не хочу быть тобой. Поэтому

будешь жить. Как доказательство того, что я принял правильное решение, потушил этот чёртов конфликт и выбрал собственный путь. Таково моё решение.

В комнате повисла тишина, которую нарушал только ветер за окном.

Я мысленно поставил галочку. Решение принято, и принято правильно. Не из жалости, которая выгорает за неделю, а из принципа, который Виктор будет держать всю жизнь. Такие решения обычно не отменяются. Вернуться к изначальной точке и ошибочному мышлению Виктор уже не сможет. Только что он создал самый надёжный фундамент из всех возможных.

Хотя... Была и другая причина такого решения. Виктор об этом промолчал, но я чётко видел, как мыслит мой телохранитель. Показания Северского нужны мне для суда против Озёрова. Виктор это понимал. И делая выбор в пользу отца, он одновременно решал и мою проблему. Помогал нашей команде. Охотник никогда не признался бы, что думает о таких вещах в столь напряжённый для него момент. Но я-то вижу! Расчёт в его словах был. Просто он удачно совпал с принципом.

Лучшая сделка та, где интересы сторон сходятся сами собой.

Северский закрыл глаза. Грудь его поднималась и опускалась тяжело, с хрипом.

– Спасибо, – выдохнул он.

– Не меня нужно благодарить, – отрезал Виктор. – А его, – он кивнул в мою сторону.

– Санаторий принадлежит господину Дубровскому. И последнее слово всегда будет за ним. Я лишь поделился своим мнением – вот и всё.

Прозвучало грубовато, но по сути своей верно. Я мысленно усмехнулся. Охотник раскусил мою игру, по крайней мере отчасти. Понял, что решение в любом случае принимать буду я, и не стал делать вид, будто решает судьбы. Это мне в нём и нравилось. Никакого позёрства.

– Тогда спасибо вам, господин Дубровский, – Северский с усилием повернул голову ко мне. – Я благодарен вам обоим. За то, что Пашку смогли спасти. За то, что приехали. Я ведь думал, что сдохну тут один и никто даже не плюнет на могилу.

– Благодарить будете, когда встанете на ноги, – сдержанно ответил я. – Дорога вам предстоит тяжёлая, а состояние у вас, прямо скажем, слабо подходит для путешествий.

Северский помолчал. Потом снова заговорил, и голос его неожиданно окреп.

– Витька, – сказал он. – Я тут лежу и думаю. Наследников у меня нет. Имение пустует. А ты... ты моей крови. Если я тебя признаю официально, заверю у нотариуса, всё это, – он слабо повёл рукой, обводя комнату, дом и свои земли, – отойдёт тебе. По закону. Никто не посмеет оспорить моё решение.

Виктор отшатнулся, будто на него змею ядовитую кинули.

– Не нужно мне твоё имение, – бросил он. – И фамилия твоя не нужна. Я тринадцать лет прожил без неё и дальше проживу.

– Я не про имение, – возразил Северский. – Я про то, что ты мой сын. И всегда им был. Даже когда я это отрицал. Мы можем это узаконить.

– Поздно спохватился, – хмыкнул Виктор.

Вот тут я решил вмешаться. Виктор рубил сплеча, на эмоциях, а такие решения принимать на эмоциях ни в коем случае нельзя. Это я знал твёрдо. Отказаться от наследства целого дворянского рода в запале обиды легко. Но потом братья Сокольниковы могут об этом пожалеть.

– Виктор, – твёрдо произнёс я. – Не торопись с ответом. У тебя есть время обдумать это решение.

Он обернулся ко мне.

– Признание в дворянский род это не только фамилия и старое имение, – продолжил я. – Это статус. Земля. Голос в губернских делах. Бастард барона и признанный наследник дворянина имеют совершенно разный вес, в том числе и в графском совете. Не принимай решение сейчас. Обратной дороги уже не будет.

Виктор нахмурился. Ему мои слова явно не пришлись по духу, но он всё же решил при-слушаться. В отличие от многих, он умел слушать, даже когда был зол.

– Я не говорю “соглашайся”, – добавил я. – Я говорю “подумай”. Решение слишком серьёзное, чтобы принимать его в спальне умирающего за полминуты. У нас впереди дорога. Вот по пути и обсудим, на свежую голову.

Северский перевёл взгляд с меня на сына и обратно. В мутных глазах мелькнуло что-то похожее на надежду.

– Дельный совет, – прошелестел он. – Слушай барона, Витька. Он умнее нас с тобой вместе взятых.

– Умнее, не спору, – проворчал Виктор. – Я подумаю.

Отлично, я подвёл заключительную черту. Эмоциональная часть закончена, остаётся решить только организационные моменты. А уж с этим я справляюсь отлично.

– Сергей Викентьевич, – заговорил я. – Тогда поступим следующим образом. Вы поедете с нами, сегодня же. Ваших людей возьмём для охраны. Пусть ваш капитан выберет нескольких человек.

Последнее я добавил намеренно. Пускать чужую вооружённую охрану на свою террито-рию удовольствие сомнительное. Особенно если учесть, каких гадостей мы уже успели натер-петься от Северского. Но отказать умирающему взять своих людей – значит сразу выстроить стену недоверия. А мне сейчас нужен союзник, а не пленник.

К тому же горстку стражников Северского мои егеря под присмотром Виктора удержат в любой момент. Это контролируемый риск – на такой я всегда готов пойти.

Параллельно я уже прикидывал, куда разместить Сергея Викентьевича и его солдат, как отделить их от моих людей и кого приставить наблюдать. Но это – мелочи. Лес подскажет, если кто-то из них замыслит лишнее. На своей земле я слышу каждый чужой шаг.

– Кузьмича возьмите, – сказал Северский. – Он один мне верен по-настоящему. Осталь-ных... на его усмотрение.

– Договорились, – кивнул я.

Старый капитан стоял в коридоре, привалившись плечом к стене, и явно слышал боль-шую часть разговора. По лицу его, обычно каменному, расплзлось облегчение.

– Кузьмич, – сказал я. – Готовь повозку. Помягче, с лежанкой. Сергей Викентьевич едет под Волгин – в мой санаторий. И соберите всё, что может понадобится в дороге больному.

– Сей же час, господин Дубровский, – откликнулся он и заспешил вниз по лестнице с прытью, какой я в нём не подозревал.

Дорога обратно тянулась медленнее, чем сюда. В Хвалынск мы гнали под адреналином. Всю дорогу думали, как пройдёт встреча. А теперь гормоны схлынули и сознание расслабилось.

Кроме того, приходилось подстраиваться под скорость повозки с Северским. Её вели шагом, чтобы не растрясти больного. Двое его стражников ехали верхом по бокам, а Кузьмич направлял. Мы с Виктором двигались следом, чуть поодаль, и могли говорить, не опасаясь чужих ушей.

Я воспользовался моментом.

– Ну так что? – спросил я. – Подумал?

Виктор какое-то время молчал, глядя в спину едущему впереди стражнику.

– Не понимаю я тебя, Всеволод, – сказал он наконец. – Зачем ты меня в это толкаешь. Тебе-то какая выгода, чтобы я в род Северских вошёл?

Вопрос правильный. Виктор не дурак и привык искать второе дно. Я и не собирался прятать от него свою мотивацию.

– Прямая выгода, – ответил я честно. – Признанный дворянин у меня на службе – это серьёзный вес. Сейчас ты мой человек, охотник, телохранитель. Пользы от тебя и без титула много, но в глазах того же графского совета ты пока что – пустое место. А наследник рода

Северских с землёй и голосом – это уже серьёзная фигура. Твоё слово в мою пользу будет дорого стоить. И я, в свою очередь, смогу тебя поддержать. Тебя и Павла.

– Значит, это выгодно нам обоим... – задумался он.

– Именно, – заключил я. – Мы друг другу полезны, Виктор. На том и держимся. Я никогда тебе не врал, и ты это знаешь. Мной всегда движут и добрые намерения и сухой расчёт. Нет смысла этого скрывать.

Виктор хмыкнул. Кажется, такой ответ его устроил больше, чем красивые слова о дружбе. Он всегда доверял прямоте.

– Кроме того, – добавил я. – Отказываться от наследства из обиды это глупость. А ты не глуп. Обида пройдёт, Виктор, а упущенная земля не вернётся. Я видел людей, которые рубили сплеча в гневе, а потом всю жизнь жалели. Не повторяй их ошибку.

Виктор долго молчал.

– Подумаю, – кивнул он. – Но пока ничего обещать не могу.

– А я о большем и не прошу.

Этого мне было достаточно. Если охотник сказал, что подумает, значит, и правда будет думать, всерьёз взвешивая каждый довод. А думающий человек почти всегда приходит к выгодному решению. Нужно лишь подкинуть ему верные исходные данные и не мешать.

Я перевёл взгляд на повозку впереди. Под рогожей виднелась исхудавшая фигура Северского. Какую роль этот дворянин только не сыграл...

Враг, разрушивший мой барьер. Отец моего телохранителя. Важный свидетель в деле против Озёрова. А теперь ещё и пациент моего санатория.

Слишком много ролей для одного полумёртвого старика. Но я верю, что мы с Виктором приняли верное решение. Теперь остаётся только привести Северского в порядок, не дать ему умереть раньше времени.

До санатория мы добрались уже к сумеркам. Я коротко обрисовал Лизе и Степану положение дел – без лишних подробностей, только то, что нужно.

Гость особый, в какой-то степени опасный, но мне он нужен живым и в здравом уме.

Пока Лиза осматривала старика, я распорядился по хозяйству. Северского велел разместить в дальней комнате восточного крыла – подальше от других постояльцев и поближе к моим людям. Его охрану – двоих угрюмых бойцов – поселил рядом, но оружие попросил сдать. Они сначала спорили, но всё же согласились. После я предупредил егерей, чтобы с охраны Северского глаз не спускали.

Управившись, я вернулся к Лизе.

Она ждала меня в коридоре. И по одному её лицу я понял – новости скверные.

– Идём, – коротко бросила она и потянула меня в свободную комнату, подальше от чужих ушей.

Закрывает дверь, прислонилась к ней спиной и только тогда выдохнула.

– Всеволод, ты вообще понимаешь, кого ты мне привёз? – прошептала она.

– Старого больного мага земли, – коротко ответил я. – Знаю, что он плох.

– Плох?! – она чуть дара речи не лишилась. – Да это – не “плох”, Всеволод. Чудо, что он вообще до сих пор дышит! Я когда через линзу смотрела – у меня чуть волосы дыбом не встали.

Я промолчал, дал девушке перевести дух. Она собиралась с мыслями, чтобы выдать мне подробный отчёт.

– Во-первых, почки. Обе. Почти не работают – водянка по всему телу, оттого и отёки пошли, – объяснила она. – Дыхание тяжёлое, с хрипом – в лёгких вода стоит. Плюс ко всему ещё и грудная жаба мучает. Сердце... – она покачала головой. – Сердце еле тянет. Бьётся через раз, того и гляди остановится. Печень увеличена, твёрдая. Желтуха вот-вот проступит. А всё тело будто изнутри высушено – ни сил, ни соков. Я такое видела только у тех, кто годами себя травит.

– Травит, – усмехнулся я и тут же вспомнил старика-отравителя Уварова. – Знакомая история.

– Только с этим ситуация во много раз хуже, – Лиза посмотрела мне прямо в глаза. – Всеволод, ты мне ходячий труп привёз. Я даже не уверена, что сумею его спасти. По всему выходит – ему и недели не продержаться. Без преувеличений, я бы дала ему дней пять. И это в лучшем случае. Удивительно, что вы вообще застали его живым!

Проклятье... Вот этого я и боялся. Земли у меня сильные, и целительница могущественная. Но я понимаю, что даже Лиза не способна сделать невозможное.

Однако пускать всё на самотёк нельзя.

– Дни – это плохо, – заключил я. – Мы не можем позволить ему умереть. Лиза, его необходимо поставить на ноги. И быстро. У тебя два дня. Три – край.

Она уставилась на меня как на сумасшедшего.

– Два дня?! Всеволод, ты меня вообще слушал? Я говорю – он умирает! А ты – “два дня”!

– Слушал, – спокойно кивнул я. – Но я дал ему обещание. Кроме того, его показания нужны на суде. Без живого Северского, способного говорить и соображать, мы с Озёровым ни за что не справимся. Мёртвый свидетель мне не поможет. Так что выбора у нас нет. Хоть наизнанку вывернемся, но его восстановим.

– Всеволод, я всё прекрасно понимаю, но я – целительница, а не некромантка! – Лиза устало приземлилась на ближайший стул. – Его и в самом деле проще будет из мёртвых воскресить, чем лечить сейчас.

– Сейчас не до шуток. Я прошу лишь не дать ему умереть ещё несколько дней. Остальное уже – моя забота.

Я знал, что Лиза не умеет сдаваться. Она потому и не хочет браться за это дело, поскольку не уверена в своих силах. Обычно, если уж она берёт пациента, то ведёт его до конца. До полного выздоровления.

Однако мои слова всё же на неё повлияли. В ней загорелся азарт. На то и был расчёт – с таким тяжёлым пациентом она ещё никогда не работала.

– Одна я не справлюсь, – успокоившись, заговорила она. – Тут одной маной не вытянуть. Обычное целительство даже в сочетании с друидической магией на этот раз не поможет. Слишком много всего разом сыплется. Залатаю почки – встанет сердце. Возьмусь за сердце – откажут лёгкие.

– Значит, будем латать не по очереди, а всё разом, – предложил я. – И не только твоими силами. Лиза, у нас под боком целый санаторий. Единственный в своём роде. Так давай используем всё, что есть. Подчистую!

Я подошёл к столу, придвинул лист бумаги. Привычка с прошлой жизни – когда дело сложное, его надо разложить по полочкам.

– Целебная вода, – начал я, загибая пальцы. – Будем поить каждые два часа. Понемногу, но постоянно. Она почкам поможет, лишнюю жидкость из тела погонит.

– Поможет, – согласилась Лиза, подойдя ближе. – Если на отварах её настоять – мочегонных трав добавить, брусничного листа, можжевельника – вдвое сильнее пойдёт.

– Отлично! – улыбнулся я. – Дальше – соляные пещеры. Дыхание у него паршивое. Соляной воздух лёгкие прочистит, мокроту разобьёт.

– Только недолго! – тут же подметила она. – С таким сердцем его в пещере больше четверти часа держать нельзя. Свалится.

– Значит, по четверти часа. Но трижды в день. Пусть Архип за этим проследит.

Лиза кивнула, уже что-то прикидывая про себя. Спор наш незаметно превратился в работу – мы перестали грызться и начали думать в одном направлении. Так оно всегда у нас и выходило.

– Кристаллы-накопители я заранее заряжу, – перечисляла она дальше. – Сама за день столько маны не вытяну, а с запасом смогу работать по несколько часов кряду. Сердце подержу, кровь разгоню. Печень... С печенью сложнее. Тут чисто моих сил надолго не хватит.

– А ты не одна будешь, – напомнил я. – Я подпитаю. Жизненную силу подведу – мне есть откуда черпать. Ты лечи, а топливо – с меня.

Она глянула на меня искоса. В её взгляде читалась смесь уважения и опаски. Это происходит каждый раз, когда речь заходит о моих способностях.

– Иногда мне кажется, в тебе силы как в целой армии магов, – пробормотала она. – Ладно, ты прав. С твоей подпиткой я протяну дольше. Может, и впрямь шанс есть.

Мы продолжили составлять план. Лист передо мной заполнялся. Вода, пещеры, кристаллы, мои силы. Артиллерия серьёзная. И всё же чего-то не хватало. Я чувствовал это нутром – мы латаем дыры, но не цепляем главное. Не достаём до самой сути его недуга.

– Лиза, – медленно произнёс я. – Всё, что мы перечислили, – это про кровь, про лёгкие, про воду. А ведь он маг земли. Понимаешь? Сама его природа – иная. Не получится ли так, что мы лечим тело, а до его силы – до самого корня – не дотягиваемся?

Лиза задумалась, прикусила губу.

– Маги стихий... – прошептала она. – Да, у них тело напрямую с природным аспектом связано. Если стихия в разладе – и тело страдать начинает. Отец рассказывал, водников лечат купаниями, огневиков – теплом да паром... А землю чем? – она развела руками. – Про такие случаи мне пока что слышать не доводилось.

И тут меня осенило.

– Грязью, – заявил я.

– Чем? – вскинула брови Лиза.

– Грязью! – я вскочил из-за стола. – Лечебной грязью, Лиза! Маг земли тянется к земле. Ты сама меня к этой мысли подтолкнула. А что, если взять землю, напитанную нашей целебной водой, травами и силой леса? Это самая что ни на есть живая грязь. Если уложить его в тёплую грязевую ванну – стихия откликнется. Тело само начнёт тянуть силу из родной среды. Изнутри подлечится.

– Идея хорошая... – Лиза задумалась. – Но у нас тут отродясь грязевых ванн не было. Ни купелей, ни самой грязи подходящей. С нуля всё делать придётся.

– Значит, сделаем, – отрезал я. – Есть тут глинистые места. Воду целебную туда подведём, трав намешаем и на солнце прогреем. Завтра же с утра позову мужиков копать купель. К вечеру управятся.

– Но мы всё равно с тобой сильно рискуем, – покачала она головой и тут же усмехнулась. – Такого ни в одном учебнике нет.

– Так мы с тобой по учебникам и не работаем, – хмыкнул я в ответ.

Вот теперь моя целительница окончательно загорелась. Она уже готова работать. Безнадёжный старик на глазах превращался для неё в настоящий вызов. А от вызовов Лиза никогда не бежит.

Был у нас и другой вариант, который мог значительно повысить шансы на исцеление Северского. Но я его даже упоминать не стал.

Исток.

Туда я Сергея Викентьевича ни за что не поведу. Показывать самое сердце моего леса опасному, скользкому магу земли... Нет. Этого я не сделаю, даже если на кону будет победа в суде, война с Озёровым и все мои земли разом.

Пусть выкарабкивается за счёт того, что есть. А есть у нас, как выяснилось, немало.

– Тогда за дело, – сказала Лиза. – Я пойду готовить отвары и заряжать кристаллы. Времени в обрез.

– Иди, – кивнул я. – А я распоряжусь насчёт купели.

Она уже взялась за ручку двери, но обернулась:

– Всеволод... а если не вытянем? Если он всё-таки помрёт?

Я выдержал её взгляд.

– Тогда будем думать. Но сперва – попробуем. Я своё слово ему дал. А слово, Лиза, я держу. Даже если договор заключён с таким, как он.

Вышел я во двор уже затемно. Хотел перевести дух, обмозговать всё на свежем воздухе.

И замер.

На опушке, у самой кромки леса, стоял Мох.

Огромный дух-лось застыл неподвижно, и, очевидно, он ждал меня. Я не видел Мха уже давно. Несколько недель точно. А Мох не из тех, кто появляется без повода. Если он пришёл, значит, дело серьёзное.

Я спустился с крыльца и направился к нему. Атмосфера была странная. Я впервые уловил столь непривычные колебания в жизни леса.

Будто он затаился перед чем-то. Мох ещё не объяснил причину своего появления, но я уже понял – что-то намечается.

– Давно тебя не было, – поприветствовал духа я. – Что-то случилось?

Мох медленно повернул ко мне голову. Его глаза, как и аура леса, тоже изменились. Блестели, но как-то по-особенному.

– Сегодняшней ночью в лесу состоится совет духов, – заявил он. – Впервые за долгие годы соберутся все. И ты, друид, тоже должен быть там.

Глава 2

Мох повёл меня в самую глубь леса. Мы миновали дубовую рошу, спустились в низину, где под сапогами проступала холодная вода, и двинулись туда, где деревья росли реже и между стволами уже угадывался блеск реки. Дух-лось ступал впереди тяжело и совершенно беззвучно, как умеют ходить только лесные хозяева, и ни разу не обернулся проверить, иду ли я следом. Он и так знал, что иду.

Лес вокруг вёл себя необычно. Ночью я обыкновенно ловил знакомый фон: сонную тяжесть стволов, мелкую возню под корнями, ровную работу корневых нитей, тянущих влагу из почвы. Сейчас всё это притихло.

Мох вышел на просторную поляну у излучины широкого ручья и остановился. Я встал рядом и в первое мгновение забыл, зачем пришёл, потому что всё открытое пространство перед нами светилось мягким живым огнём.

Точнее, огней было очень-очень много. По траве, по самой кромке воды, среди корней и на нижних ветвях деревьев сидели, стояли и парили сотни существ, и каждое из них тлело собственным светом, как будто кто-то рассыпал по ночному лесу горсть остывающих углей, и углям этим вздумалось дышать.

У самой травы возились лесавки, мелкие и юркие, похожие на ожившие пучки сухой травы с любопытными глазами. Над ними плавали мавки, бледные, с дымчатым свечением по краям. Под корнями старого вяза тлели угольным жаром огневки, и от них на стволах дрожали тёплые рыжие пятна.

Глубже, у самой стены деревьев, стояли лешие, рослые и кряжистые. Между ними мелькали существа, названия которых я не знал: то клубок голубоватых искр, то приземистая фигура с грибной шляпкой на месте головы, то длинная тень, скользившая по верху и тихо аукавшая сама себе.

Обычно лесной народ не показывался мне. Я знал, что они есть, чувствовал их присутствие в общем дыхании леса, иногда ловил краем сознания чей-то взгляд из подлеска. Но видеть их вот так, всех разом, в полный рост, в собственном свете, мне ещё не доводилось.

Я повидал в двух жизнях немало. И всё же поймал себя на простой мысли: ради того, чтобы однажды увидеть это, пожалуй, стоило умереть и родиться заново.

В центре поляны меня ждали трое.

Дух-медведь сидел на задних лапах, и даже так, неподвижный, он подавлял своими размерами всё вокруг. Бурая шерсть отливала тёмным металлом, янтарные глаза смотрели ясно.

Рядом стоял Мох, склонив тяжёлую рогатую голову. А чуть в стороне, неподвижный настолько, что его легко было принять за вкопанный столб, замер Ярослав в человеческом теле. Жёлтые глаза с вертикальными зрачками ловили свет и не отражали его, как обычные. Он пришёл сюда раньше меня, всего на несколько минут. Видимо, чтобы произвести именно такое впечатление.

Стоило мне ступить на поляну, как свет вокруг колыхнулся в мою сторону. Лес здоровался со своим хозяином, одним движением света и общего настроения. Я принял это приветствие коротким кивком.

Миха поднялся на все четыре лапы и шагнул вперёд. Земля под ним просела.

– Хозяин леса, – прогудел он, и его низкий голос пронёсся по поляне, отдаваясь в стволах. – Я лично звал тебя на этот совет. Совет не собирался так давно, что многие из молодых видят его впервые. Но дело не терпит.

– Говори, – ответил я.

– Тенелист забрал многих наших, – Медведь повёл огромной головой в сторону, туда, где за рекой и за ельниками начиналась мёртвая зона. – Тех, кого я когда-то знал. Тех, с кем

делил эти земли до того, как он пришёл. Они теперь служат ему. Ходят его тропами, стерегут его границы, нападают на всё живое по его слову. Я сам был таким, пока ты не прогнал из меня тьму. Я помню эту черноту изнутри. И не желаю её больше никому из нашего рода.

По поляне прокатился отклик. Свет стал ярче, гуще, кое-где вспыхнул резче. Огневки под вязом разгорелись до бела. Лешие у стены деревьев качнулись вперёд единой массой. Простое и горячее, это настроение читалось без труда.

– Я предлагаю дать ему отпор, – закончил Миха, говоря за всех. – Всем лесом. Пока он не забрал остальных.

Поляна откликнулась согласием, и оно было оглушительным даже без единого звука. Свет хлынул вверх по стволам, река у берега вскипела зеленью, и я ощутил, как сотни чужих волей разом потянулись в одну сторону, к отравленным землям, готовые сорваться туда хоть сейчас.

Лесные жители рвались в бой.

Я выждал, дал этой волне прокатиться и осесть. Спорить с разгорячённой толпой в первую же минуту бессмысленно, это я усвоил ещё за переговорами столами прошлой жизни. Сначала пусть выскажутся. И пусть почувствуют, что их услышали.

Потом я шагнул вперёд, в самый центр света, и поднял руку. Огоньки притихли.

– Прежде чем мы решим, как быть, я хочу понять одну вещь, – произнёс я и повернулся к медведю. – Скольких он уже подчинил, Миха?

– Половину всех наших, – проговорил он. – Может, и того больше. Восточные распадки за Гнилым оврагом почти все под ним. Северные ельники наполовину. Считаю, каждого второго в этом лесу он уже держит за горло!

– Половину, – повторил я негромко, уже для себя.

И обвёл взглядом поляну. Сотни огней смотрели на меня в ответ.

– Тогда послушайте, что это значит на деле, – сказал я. Говорил спокойно, чтобы каждое слово было услышано. – Половина леса под Тенелистом. Это ваши братья, ваши соседи, те, с кем вы делили эти земли веками. Если мы ударим в лоб, всем лесом, как предлагает Миха, нам придётся убивать их. Своих же. Тех, кто ни в чём не виноват, кроме того, что не сумел сбросить чужую волю. Каждого, кто встанет у нас на пути, придётся убить, потому что договориться с порабощённым нельзя, а отступать они не станут, – я помолчал. – Вы этого хотите?

И тогда наступила тишина.

Замолчала река. Застыл свет. Огневки под вязом разом потускнели до тлеющего рыжего. Они не думали об этом. В этом всё и дело.

Я смотрел на застывшие огни и видел их насквозь. Они чувствовали несправедливость, чувствовали, как отравляют их дом и воруют их сородичей, и не желали это терпеть. Это делало им честь. Это я уважал. Но мыслили они не как люди. За тёплым светом и древней силой стоял простой механизм: есть враг, значит, надо напасть. Инстинкт давал одну-единственную команду и не умел давать другой. Просчитать на три хода вперёд, увидеть цену, отделить врага от его жертвы они не могли. Им для этого не хватало того самого холодного человеческого расчёта, который мне самому всю жизнь и помогал, и мешал жить.

Самим им сложный план составить не по силам. Значит, придётся разработать его мне.

Свет на поляне дрогнул. Один из огней качнулся ко мне, и я уловил исходящий от него вопрос, неоформленный, цепляющийся за образ освобождённого Михи. Мох повернул рога-тую голову и облёк этот общий вопрос в слова, как умел только он.

– А ты не можешь снять черноту с остальных? – спросил дух-лось своим простым говором. – Как с Михи снял. Подойти да вылечить. Они ж тогда сами к нам и вернутся.

Хороший вопрос. Только ответить на него я мог одним-единственным словом.

– Нет, – сказал я. – Не могу.

Огни разом потускнели, и я поспешил объяснить, пока разочарование не расплзлось по поляне.

– Когда я снимал черноту с Михи, я выложился без остатка. Едва на ногах устоял после. А это был один дух, понимаете? – я обвёл рукой светящееся собрание. – А их у Тенелиста сотни. Если я возьмусь чистить их по одному, меня хватит на нескольких, а потом я свалюсь без сил у его границы и он возьмёт меня тёпленьким. Сил не хватит даже близко. Я не стану вам врать и обещать того, чего не могу.

Мох понимающе качнул головой. Обитатели поляны приняли отказ с тяжестью, но без обиды.

– Но это не значит, что мы будем сидеть и ждать, – продолжил я, и свет снова потянулся ко мне, цепляясь за надежду в моём голосе. – Драться мы будем. Только не так, как велит вам ваша кровь. Не в лоб.

Я говорил, а сам уже видел, как складывается схема, и не мог не отметить про себя одну вещь: то, что я собирался предложить, было выгодно и мне самому.

Я давно знал, где у Тенелиста логово. Но подобраться к нему я не мог. Любого разведчика, которого я бы туда послал, Тенелист засекал на подходе: что человека, что зверя, что собственный мой росток, пущенный по корням. Враг чувствовал чужую волю и чужую магию издалека.

А решение всё это время сидело прямо у меня под ногами.

– Скажи, Мох, – повернулся я к лосю. – Есть в лесу мелкий народ, совсем мелкий. Что не колдует, не помнит себя, а просто шуршит под ногами и носится с ветром. Как их у вас называют?

Дух-лось пошевелил ушами, соображая.

– Опадыши, что ли? – протянул он. – Дак мелочь же. Их и за духов-то никто не держит. Они и есть лес, считай. Палый лист да и палый лист. Думки у них своей нету, оттого и толку с них никакого.

– Вот они мне и нужны.

По поляне прошёл недоумённый шелест света. Я уже привык, что мои решения поначалу кажутся странными всем, кроме меня самого.

Из-под корней и из-под травы поднялась горсть существ, которых я прежде не замечал даже здесь, среди прочих. Ростом меньше ногтя, похожие на свёрнутые сухие листочки на ниточках-лапках, они едва тлели тусклым бурым светом и держались рыхлым облачком, в котором не разобрать, где кончается один и начинается другой. Самый незаметный, самый, казалось бы, бесполезный народ во всём лесу.

И именно поэтому, как ни странно, самый ценный.

– Послушайте, – сказал я и понял, что обращаюсь к облаку палой листвы так же серьёзно, как обращался бы к совету директоров. – Тенелист ловит всех, кто к нему подбирается. Любую волю, любую магию он чувствует за версту. Но у вас нет ни того, ни другого. Ему будет не за что ухватиться. Он вас в упор не заметит. Так что вы проберётесь туда, куда не пройдёт ни один из других духов.

Облачко тусклых огоньков качнулось, прислушиваясь.

Я опустил на одно колено, чтобы оказаться к ним ближе, и заговорил медленно, чётко, разбивая задачу на простые шаги, как привык объяснять самому бестолковому, но самому важному исполнителю.

– Никому не показываться. Ни единому существу, ни живому, ни мёртвому. Пробраться в логово. Посмотреть, как оно охраняется: сколько у него порабощённых при себе, расположение мёртвых деревьев, есть ли ловушки. Запомнить всё и вернуться ко мне. Не лезть на рожон, не пытаться ничего сделать самим. Только посмотреть и вернуться. Это всё, что от вас нужно.

Облако дрогнуло и, к моему удивлению, отозвалось слабым, едва уловимым отблеском понимания. Своего разума у них не было, но воля хозяина леса проходила сквозь них напрямую, без сопротивления, и этого оказалось достаточно.

Я поднялся и обвёл взглядом всю поляну, все сотни горящих глаз.

– Вот так мы и будем драться, – сказал я. – Сначала разведка, удар следом. Я узнаю всё про его логово изнутри, и тогда мы пойдём туда вместе, с лесом и силой, зная, где у него слабые места. И когда мы доберёмся до Тенелиста, я разрушу его власть над вашими сородичами. Верну им разум. Так, чтобы при этом не пострадал никто из наших.

Это была сделка, которую они понимали. Я давал им то, чего жаждала сама их суть – бой и месть, – но снимал с них единственное, чего они боялись по-настоящему: не смерти, нет, а необходимости поднять руку на своих.

Свет ещё не успел отозваться, когда в центр поляны бесшумно скользнул Ярослав.

– Я скажу, – произнёс он, растягивая слова. – Чтобы вы знали. Среди нас растёт ещё одна. Тишь. Дитя, которое я кормлю и берегу. Сейчас она мала и пьёт молоко, но кровь в ней древняя, и взгляд её останавливает живое на месте. Когда она станет сильнее, ни одна тварь Тенелиста не пройдёт мимо неё. Она тоже встанет грудью за этот лес. Хозяин знает.

Я подтвердил кивком. Ход был тонкий, и я оценил его. Ярослав подбросил собранию надежду, дал им увидеть, что их ряды растут, что рядом с лесом поднимается новый страж. Для духов, привыкших считать века, такое обещание стоило многого.

И поляна вспыхнула.

Свет хлынул вверх единой волной, залил стволы до самых крон, и река у берега забулькала зелёным огнём. Лесавки заплясали в траве, мавки закружились над водой, лешие у стены деревьев качнулись, как сосны под ветром.

Облако опадшей оторвалось от земли, поднялось рыхлым бурным роем и поплыло в сторону мёртвой зоны, растворяясь в темноте.

А лесной народ ликовал. Я дал им порадоваться. Заслужили.

Совет был окончен. Один за другим огни начали гаснуть, существа растворялись в подлеске, уходили под корни, погружались в реку. Поляна медленно возвращалась к обычной ночной темноте, и только примятая трава и оседающее в воздухе тепло говорили о том, что здесь только что собирался весь лес.

Я развернулся и пошёл обратно к поместью. Ярослав двинулся следом, чуть позади.

Какое-то время мы шли молча. Под ногами хрустели ветки, над головой смыкались чёрные кроны, и привычное сонное дыхание леса понемногу возвращалось, вытесняя ту звенящую собранность, что держала его весь вечер.

– Хороший план, хозяин, – обронил наконец Ярослав, не поворачивая головы. – Опадыши пройдут. Я их и сам никогда не замечал.

– На то и расчёт, – сказал я.

Мы прошли ещё немного, и тут от ближайшего ствола отделилась тень и шагнула нам наперерез.

– Красивая речь, Дубровский!

Я остановился. Из темноты, привалившись плечом к берёзе и сложив руки на груди, на меня смотрела Ярина. На плече у неё сидел Скрип и поскрипывал суставчиками, поворачивая голову то на меня, то на Ярослава.

Я не удивился. Поражаться появлению Ярины в самых неожиданных местах я перестал ещё месяц назад. С тем же успехом можно удивляться тому, что кошка снова забралась туда, куда ей соваться запрещено.

– А ты как тут оказалась? – спросил я ровным голосом.

– Следила за Ярославом, – она кивнула в его сторону без тени смущения. – Он засоби-
рался куда-то на ночь глядя с такой постной мордой, будто на собственные похороны. Я и
пошла за ним. Интересно же.

Ярослав на это лишь повёл плечом. Слежку он, судя по всему, заметил давно и просто
не счёл нужным поднимать шум. Но и мне не сказал, что не очень хорошо. На эту тему мы
отдельно поговорим.

Я скользнул взглядом по поляне, которую мы только что покинули. И сделал зарубку в
памяти. Ярина всё это время простояла у самой границы поляны, в двух шагах от сотен духов.
Они не могли её не заметить. Чутьё у них острое, чужака чувят за версту. А раз не тронули, не
подали мне знака, значит, попросту пропустили друидку, признав за свою.

– Я всё слышала, – сказала Ярина и оттолкнулась от берёзы. Скрип на плече качнулся и
вцепился крепче. – И духи правы. Давно пора что-то предпринять, пока Тенелист не оттяпал
твой лес до последней сосны. Я-то знаю, чем это кончается, если сидеть и ждать.

Она провела пальцами по левому предплечью, где под рукавом прятался рубец. След того
же врага, на тех же лесах, только давних, сторевших дотла. Жест был мимолётный, и она сама,
кажется, его не заметила.

– А что, по-твоему, раньше мы сидели сложа руки? – хмыкнул я.

– Почти, – Ярина склонила голову набок и посмотрела на меня внимательно, без обычной
своей насмешки. – Ты всё больше копил силы и отбивался. Залатал печать, поставил Круг,
отбил пару наскоков и снова с головой ушёл в свои мирские дразги. Будто магический враг для
тебя где-то на втором месте, после всех этих людских хлопот. Будто ты до сих пор не привык,
что магическое стоит выше прочего.

Она замолчала, давая мне переварить сказанное.

И ведь была раздражающе права. Поначалу мне и в самом деле было трудно всерьёз вос-
принимать магического противника.

Граф Озёров с его комиссиями и бумажными уловками укладывался в привычную мне с
прошлой жизни картину мира. С таким я знал, как работать, такого я разбирал по косточкам
и переигрывал.

А тёмный маг, отравляющий лес из глубины отравленных земель, в эту схему долго не
вписывался, и какая-то часть меня всё откладывала его на потом, в очередь после понятных
людских забот. К тому же я тянул время намеренно. Копил силы, выстраивал оборону с опорой
на лес. Сегодня я наконец получил то, чего ждал: не только деревья, но и поддержку от духов.

Признавать всё это вслух перед Яриной я, разумеется, не собирался.

– Учту твоё ценное наблюдение, – сказал я сухо.

– Учти-учти, – она ухмыльнулась, и привычная дерзость вернулась на её лицо. – Слушай,
Дубровский. Раз такое дело затевается, большая война и всё такое... может, мне у тебя сегодня
переночевать? А? Так точно спокойнее...

– Нет.

– Я даже договорить не успела.

– И не нужно. Ответ всё равно один: нет, – я зашагал дальше, и она пристроилась рядом,
ничуть не стесняясь.

– Бессердечный ты человек, барон, – Ярина попыталась изобразить обиду, но вышло так
себе.

Впереди за деревьями уже проступали тёмные очертания особняка и тёплый отсвет окон.
Мы вышли из леса на знакомую тропу, и я невольно прибавил шагу.

Но ещё не дошёл до ворот, когда от крыльца отделилась фигура и метнулась мне
навстречу через двор. Лиза. В наброшенной на плечи шали бежала, спотыкаясь о собственный
подол.

– Лиза! – я ускорился ей навстречу. – Такой поздний час. Что случилось?

Она остановилась передо мной, переводя дыхание, и в свете окон я разглядел её лицо. Бледное до серости, без обычной спокойной собранности целителя.

– Я тебя искала, – выговорила она, всё ещё задыхаясь после бега. – Везде искала: во дворе, у флигеля, к лесу ходила. Всеволод, я всё это время сидела при Северском, как мы и условились. Давала ему отвар каждые три часа, точно по схеме, всё как ты велел...

Она запнулась и сглотнула.

– И, кажется, он совсем сошёл с ума, – закончила она тихо. – Несёт какую-то чепуху. Я таких речей в жизни не слышала. Всеволод... Боюсь, он теперь никакие показания дать не сможет.

Глава 3

Лиза бежала впереди. Я шёл следом, и чувствовал, что аура леса всё ещё источала собранность после завершённого совета, но я уже думал о другом.

Северский был моим единственным козырем против обвинений Озёрова. Если он даст слабину раньше дворянского собрания, я останусь с пустыми руками за пару дней до суда.

В нашей лечебнице горел свет. Как только я вошёл в палату, где лежал Северский, в нос сразу же ударил кисловатый запах. Приходилось мне пару раз такое чувствовать. Обычно такая “аура” исходит от тяжёлого больного, который вот-вот отправится на тот свет.

Сергей Викентьевич метался на постели. Простыни сбились, седые волосы прилипли ко лбу, тонкие пальцы цеплялись за край одеяла, то мяли его, то отпускали. Он что-то выговаривал, торопливо и сбивчиво, глотая половину слов.

– Камень держит воду, – бормотал он. – Камень держит, а вода точит. Кто кормит реку, тот и хозяин броду. Слышишь? Хозяин броду...

Да, Лиза не преувеличила. Он и в самом деле будто сошёл с ума.

Я подошёл ближе. Жар от него шёл волнами. Я сразу ощутил разницу. Ночь выдалась холодная, я изрядно промёрз. А в палате, где лежал Северский, было невыносимо душно. Даже не смотря на то, что все окна были открыты нараспашку.

– Давно так? – спросил я.

– С полуночи, – Лиза стояла рядом, прижав ладони к груди. – Сперва тихо лежал, а потом вот это началось. То мечется, то затихает. Я отвар дала, по схеме, всё как ты велел. Не помогает.

Северский вдруг замолчал. Метания прекратились, он откинулся на подушку, его лицо расслабилось. Губы зашевелились медленно, но извергать бред он не закончил.

– Зелёный камень в зелёной воде, – прошептал он. – При себе носи, при себе. Не отдавай служивому. Служивый забудет. Служивый всегда забудет...

И снова заметался.

Лиза коснулась моего плеча.

– Он сошёл с ума, Всеволод, – сказала она. – Я такое видела однажды, у старика в горячке перед самым концом. Мозг угасает, и человек несёт что попало. Это не лечится отварами. Это уже не разум за него говорит.

Я молча слушал несвязную речь Северского. Но что-то в его словах не давало мне покоя. Так уж вышло, что в прошлой жизни я провёл очень много переговоров. Научился понимать людей, читать между строк.

Да, Северский бредит, спору нет. Но даже в бреду он возвращался к одним и тем же образам. “Камень. Зелёная вода. Служивый, который забудет”.

Это не похоже на случайное совпадение. Создаётся впечатление, что он намеренно повторяет эти фразы. Изо всех сил пытается что-то до нас донести.

– Он не сходит с ума, – заявил я. – Думаю, Сергей Викентьевич хочет нам что-то сказать.

Лиза посмотрела на меня так, будто я сам бредить начал.

– Всеволод, при всём уважении. Я целитель, а не толковательница снов. Он сошёл с ума. Разве не очевидно?

– Осмотри его ещё раз, – велел я. – Всё, что только можно. Кожу, глаза, дыхание, пульс. Я в твоём деле почти ничего не смыслю, это правда. Но меня не покидает чувство, будто я с чем-то подобным уже сталкивался. Только понять не могу где...

И это правда. Что-то скребётся на краю памяти. Словно я уже видел подобную картину в прошлой жизни. Но вспомнить почему-то не могу.

Я решил временно отложить попытки докопаться до своих воспоминаний и вернулся к осмотру Северского.

Лиза тяжело вздохнула, но спорить со мной больше не стала. Опустилась на табурет у изголовья кровати, достала свою линзу и приступила к повторному осмотру. Я смотрел, как она работает, и пытался придумать новый план.

Ситуация всё хуже и хуже...

– Дай камня. Камень у служивого. У служивого камень... – повторял больной.

– Пульс частый и слабый, – проговорила Лиза. – Кожа влажная, холодная на лбу, а тело горит. Я уже всё перебрала, Всеволод. Не за что тут зацепиться. У него весь организм больной. Печень села, почки еле тянут, кровь совсем уже дурная. Этот бред мог начаться от чего угодно. Хоть от печени, хоть от сердца.

Я её слушал вполуха. У меня в голове начала складываться совершенно другая картина.

Камень. Зелёный камень в зелёной воде. Северский повторил это трижды и трижды добавил про служивого, который забудет и которому нельзя отдавать.

Я знал, что Северский маг земли. Знал и то, что приехал он сюда не один, а с капитаном своей стражи, грузным усачом по имени Кузьмич.

Служивый. Капитан стражи и есть служивый. Тут и гадать нечего. Если моя теория верна, Северский пытается сказать нам что-то про Кузьмича.

А зелёный камень...

В прошлой жизни я бы назвал это интуицией, наработанной за годы чтения людей. И эта интуиция в очередной раз мне пригодилась.

Он ведь маг земли! А зелёный камень... Вот теперь всё сходится.

Человек, который из последних сил держится на плаву, должен эти силы откуда-то черпать. Тело ослабло, родовой земли под ногами здесь нет.

Может, Северскому нужны какие-то камни? Об этом меня никто не предупреждал, но теория звучит очень реалистично.

Магические кристаллы. Камни с заточённой в них силой земли. Возможно, он подпитывался от них, чтобы держать тело в узде, а хранил их сам не всегда, потому что был слишком слаб и предельно осторожен. Доверил капитану. И капитан, видимо, про них и думать забыл. Вряд ли он укрыл их намеренно. На нервах и не такое забудешь.

Цепочка сложилась целиком, и я даже усмехнулся про себя. Умиравший, который не может связать двух слов, оказался единственным здравомыслящим человеком в этой комнате. Он не бредил. Он намекал, просил о помощи. Просто мозг работает плохо – вот он и говорит загадками!

– Лиза, продолжай, – бросил я уже у двери. – Я скоро.

– Всеволод, ты куда?!

– За единственным лекарством, которое может ему помочь, – объяснил я. – И которого нет в твоём шкафу.

Кузьмича я нашёл во флигеле егерей, в дальнем крыле. Он спал одетым, привалившись к стене, и сабля стояла у его колена. Капитан старой выучки спит вполглаза, и стоило мне войти, как он уже был на ногах, рука на эфесе.

– Барон? – он узнал меня и опустил руку, но плечи остались напряжёнными. – Случилось чего?

– Кристаллы, – сказал я. – Зелёные камни Северского. Они у тебя?

У него тут же дёрнулись лицевые мышцы, зрачки расширились. Он напрягся сразу по двум причинам. Первая – Кузьмич удивлён, что я знаю о кристаллах. Вторая – он действительно про них забыл.

– Откуда вы... – начал он и осёкся. – Сергей Викентьевич не велел про них болтать!

– Сергей Викентьевич сейчас умирает в моей лечебнице, – отрезал я. – Потому что ты забыл мне о них сказать. Неси. Все, сколько есть. Быстро!

Он не стал препираться. Капитаны старой выучки понимают, когда приказ нужно выполнять без лишних рассуждений. Даже если приказ отдаёт человек, который не имеет над ним прямой власти.

Кузьмич метнулся к своему сундуку, и через минуту мы уже шли через двор обратно к лечебнице. В руках он нёс небольшой ларец, и я кожей чувствовал, как от него тянет ровным земляным теплом.

Прав был Виктор. Магия земли чем-то очень похожа на мою – друидическую. Фон такой же, но функции разные.

– Я ж не со зла, барон, – бубнил Кузьмич на ходу. – Кто ж знал, что так получится! Сергей Викентьевич три дня назад один камень осушил, как раз незадолго до отправления сюда. У него в этом плане всё строго. Один камень – и на неделю спокоен. А тут и недели не прошло, а он уже плох. Сроду такого не бывало. Один камень его всегда держал крепко.

Я внимательно слушал капитана и мысленно анализировал его слова.

Один кристалл на неделю. А слёг через три дня. Видимо, что-то жрёт его силу вдвое быстрее обычного. И ухудшение наступило именно здесь, на моей земле. Вряд ли это обычное совпадение.

Но эти мысли я решил временно отложить. Сначала надо вытащить человека, потом будем разбираться что к чему.

Оказавшись в палате, я открыл ларец и достал оттуда кристалл. Тяжёлый, мутно-зелёный. От прикосновения по руке прошла волна энергии, и я тут же почувствовал недовольство леса.

Ага... А вот и различия между нашими ветвями магии. Лесу эта сила не нравится. Чужая, не моя и не природная.

Земля, оторванная от корней. Так её воспринимает лес.

– Дай ему, – я протянул Лизе камень. – В руку вложи, пусть держит. Должно полегчать.

Она не стала задавать лишних вопросов и сделала, как я велел. Едва зелёный минерал лёг Северскому в ладонь, как его скрюченные пальцы сами собой сжались. Метания утихли, дыхание выровнялось. Лицо выражало только одно – облегчение. И впервые за всё это время он перестал нести чепуху, замолчал.

Лиза глядела на него, приоткрыв рот.

– Магия земли, – выдохнула она. – Она его поддерживает. А я-то всё отварами пыталась его поднять...

– Отвары тоже нужны, – сказал я. – Камень его поддержит, но не вылечит. Во всём остальном ты права, как и всегда. Теперь говори, удалось ли что-то выяснить по твоей части?

Она нахмурилась, собираясь с мыслями, и снова склонилась над больным. Я смотрел, как она подняла ему веко, заглянула в глаз, проверила дыхание, тронула холодный влажный лоб.

– Есть у меня одна теория... Недавно столичные лекари сделали одно открытие. Оно ещё не подтвердилось, но... В общем, думаю, что дело в сахаре, – заявила она.

Она замолчала. Видимо, боялась, что я рассмеюсь над её теорией. Оно и понятно, в начале двадцатого века о болезнях, связанных с обменом глюкозы, было почти ничего не известно. Это в моей эпохе о диабете вещали из каждой трубы.

– Продолжай, – попросил я.

– Дыхание у него странное и пот холодный, липкий. Всеволод, у него в крови сахару не осталось. Бывает, что человеку плохо становится, когда этого сахара в теле слишком много. А тут наоборот. Тело голодает, понимаешь? Говорят, печень у здорового человека держит запас сладкого и подкармливает им кровь. Понемногу, время от времени. А у него печень ведь совсем не работает. Запас держать нечем, вот сахар и упал до самого дна. Мозг сейчас голодает, оттого Северский и бредит.

Я слушал и мысленно переводил это на понятный мне язык. Проще говоря, печень была складом. Склад прогнил, товар не держится, и линия производства встала из-за нехватки

сырья. А мозг в данном случае – это самый прозорливый цех. Вот он и сдал первым. Теперь картина предельно ясна.

– Что будем делать? – спросил я.

– Сладкое ему надо дать, – ответила целительница. – Мёду развести в тёплой воде, поить понемногу. И отвар на сладком корне. У меня всё есть. Это поможет, но ненадолго. Печень-то всё равно никакущая. Её саму лечить надо, а это не на одну ночь.

– Готовь мёд. Камень его пока подержит.

Она кивнула и вышла. Я остался у постели один, и тут лес дёрнул меня изнутри.

Не словом и не образом. Просто ровное, настойчивое давление под рёбрами, как будто кто-то тянул меня за невидимую нить в сторону Истока. Я научился доверять этому чувству. Лес ничего не объяснял, но показывал направление, а думать дальше приходилось самому.

И я понял, что пыталась сообщить мне природа.

Кристалл был подпоркой. Подпорок у Северского в ларце едва хватит на пару дней, я успел сосчитать камни, пока открывал крышку. Их осталось три. Мёд поднимет сахар на час, отвар на полдня. Всё это латание дыр на тонущем корабле. А лечить нужно само нутро, печень и почки, и лечить основательно.

Нужна грязевая ванна. Купель с торфом и илом со дна Истока, насыщенная живой силой леса.

Только купель не готова. А лес настойчиво твердил, что тянуть нельзя. До утра самое позднее. Интуиция подсказывала, что дольше он не протянет.

Я вышел на крыльцо. Двор тонул в густой предрассветной черноте. Часа три ночи, не больше.

В прошлом я бы поднял своё производство среди ночи и это стоило бы мне тройного тарифа и большого скандала с профсоюзом. Но здесь, благо, профсоюзов нет.

Зато здесь есть Архип!

Я разглядел у ворот тёмную фигуру с фонарём. Один из егерей обходил двор.

Фома.

– Эй! – окликнул его я. – Бегом к Архипу, буди. Скажи, барон велел: нужны мужики, прямо сейчас, человек десять. Копать купель за лечебницей, чтобы к рассвету была готова. Платим вдвое больше, чем днём. Хоть из постелей пусть тащит. Понял?

– Понял, барин! – ответил Фома и рванул в сторону деревни.

К рассвету двор за лечебницей превратился в стройплощадку.

Архип своё дело знал. Он поднял деревню так, как умел только он. Криками, руганью, и, могу поспорить, без его фирменных манипуляций дело не обошлось.

К четырём часам за лечебницей уже всюду светили факелы, а десяток мужиков, заспанных и злых, долбили мёрзлую землю. Архип расхаживал между ними, покрикивал и явно довольствовался возможностью почувствовать себя чьим-то начальником.

– Глубже бери, глубже! – кричал он. – Барин сказал к рассвету, значит, к рассвету. Емеля, не спи, не дома лежишь!

Я работал вместе с лесом. Опустился на колени у края растущей ямы, прижал ладони к холодной земле и попросил о помощи. Мысленно показал лесу образ: купель, торф, живая вода и человек, которого надо таким образом вылечить.

Лес ответил незамедлительно. По подземным каналам, связанным с Истоком, к яме потянулась влага, насыщенная илом. Корни деревьев разошлись, пропустили воду, и яма начала наполняться сама собой.

Отлично! Ни вёдер, ни коромысел нам по итогу не понадобилось. Мужики при виде этого оторопели, а затем принялись копать с удвоенным усердием. Видимо, хотели поскорее убраться отсюда, чтобы не наблюдать творящуюся чертовщину. Простой народ магии побаивается, поэтому я стараюсь лишний раз при них не колдовать.

Едва начало светать, а купель уже была готова.

Северского перенесли на носилках. Раздели, опустили в торфяную жижу по грудь, и он сразу обмяк, словно вода приняла на себя половину его веса. В одну руку Лиза вложила ему кристалл, другой влила в губы медовый отвар. Я опустился на край ямы, погрузил ладони в воду рядом с его телом и стал направлять магические потоки.

Работа тонкая, придётся поднапрячься. Я гнал живую силу туда, где у Сергея Викентьевича находились больные органы. Подлатал печень, часть силы направил в почки, а затем разогнал застоявшуюся дурную кровь. Параллельно с этим свою работу делал и кристалл. Он служил чем-то вроде резервного источника энергии. Отвар поднимал сахар, а лес через мои ладони чинил телесные ткани.

Три потока разом, и всеми управлял я.

К рассвету интенсивная терапия подошла к концу. Северский дышал ровно, жар спал, а лицо приобрело живой цвет.

Лиза, измотанная не меньше моего, опустилась на табурет у края купели да так и задремала, уронив голову на грудь.

Я её будить не стал. Она хорошо поработала. Путь отдыхает.

Мужики разошлись, каждый получил достойную оплату, как и было обещано. Архип увёл последних, напоследок свирепо шикнув на них, чтоб не болтали по деревне про то, что творилось в лесу этой ночью.

Над купелью стоял лёгкий пар. Я сидел у самого края и не мог заставить себя встать. Мышцы от усталости словно свинцом налились.

– Барон, – раздался слабый голос.

Северский смотрел на меня. Взгляд его прояснился. Сейчас он выглядел куда лучше, чем при нашей первой встрече. Он всё ещё был слаб, но к, счастью, перестал походить на бредящий труп.

– Вы меня с того света достали, – проговорил он, с трудом ворочая языком. – Я ведь чувствовал, как ухожу. Темноту видел... Думал, что настал мой час. Спасибо вам, Всеволод Сергеевич.

– Лежите молча, – сухо ответил я. – Не тратьте силы. Говорить вам ещё придётся на суде. Там и оплатите мне добром на добро.

– Дайте старику сказать, пока в голове ясно, – настоял он. – Странное дело, барон. Я ведь не первый год так живу, питаюсь силой камней. Привык уже. Один камень держит меня неделю. Всегда так было. А как приехал в ваши края, так сразу и силы пропали. Будто жизнь из меня уходит стала вдвое скорее. Сроду такого не было.

Он говорил то же, что и Кузьмич, слово в слово. Значит, на это точно стоит обратить внимание.

– Может, дорога вас подкосила, – предположил я. – Возраст, тряска, да и организм слабый.

– Может, и так, – Северский прикрыл глаза. – А может, и нет. Я своё тело знаю. Оно давно уже гниёт. Но медленно, по чуть-чуть. А тут... Совсем другие ощущения.

Он замолчал и тут же провалился в дрему.

Я ещё какое-то время сидел рядом с ним. Пытался обдумать все возможные варианты. Действительно странно... Обычно в моём санатории людям сразу становится лучше. Даже безнадежно больным.

Чем же Северский отличается от остальных? Почему всё сработало в точности до наоборот?

Первое объяснение – это обычное совпадение. Старик надорвался в дороге, организм и так еле работает. А тут добавилась тряска, холод и нервы перед судом. Сахар упал, и всё посы-

палось. Это, пожалуй, самое простое объяснение. И потому, как мне кажется, оно ошибочное. Ни разу ещё ни одна моя проблема не объяснялась такими банальными аргументами.

Второе моё предположение оказалось куда тревожнее. Кузьмич сказал, один камень держал хозяина неделю. Так, может быть, камни с каким-то изъяном? Дело в них?

Подменили, испортили, подсунили пустышку взамен настоящих. Вполне может оказаться, что кто-то намеренно пытался навредить Сергею Викентьевичу. Но кто? Кузьмич? Вряд ли. Уж больно он своему барину верен – это я чувствую.

Виктор? Мотив у него есть, но он бы не стал так поступать после всего, что мы с ним обсудили. Только-только разобрался с отцом – и сразу же покушаться на его жизнь? Не может быть такого.

Но есть ещё и третий вариант. И он мне нравится куда меньше всех остальных. В произошедшем может быть виновата моя земля.

Что, если моя территория попросту не давала его чужой силе держаться? Может, лес воспринял Северского как врага и начал выдавливать из него последние силы? Тогда камни тут ни при чём. Получается, сама моя земля медленно убивает Северского, не сообщая мне об этом.

Три объяснения, и ни одно я не могу проверить прямо сейчас. Но каждое следует держать в уме. Особенно последнее.

Я поднялся, разминая затёкшие ноги. Кристаллов в ларце осталось три. На одних камнях Северский долго не протянет, это я понял твёрдо. Значит, лечить нутро нужно всерьёз, купелями, отварами, день за днём. И заодно выяснить, куда уходит его сила.

В особняк я вернулся, когда солнце уже поднялось над лесом.

Сна не осталось ни в одном глазу, только тяжёлая, звенящая ясность, какая накатывает после бессонной ночи, когда тело уже махнуло на отдых рукой. Я не стал ложиться. До дворянского собрания оставались дни, нужно быть готовым ко всему.

Я сел за стол в кабинете, придвинул стопку бумаг и взялся за отчёты. Расходы на купель, плата мужикам, запас отваров, счета за стройматериалы для нового корпуса санатория.

Цифры меня успокаивали. Так было всегда. Есть в них какой-то особый порядок, который ни за что в жизни не найдёшь в окружающем хаосе.

За этим медитативным занятием меня и застал Степан.

Он вошёл без стука, чего за ним прежде не водилось, и встал у порога, переминаясь. Я отложил перо.

– Барин, – начал он и тут же запнулся. – Тут такое дело. Похоже, не будет нынче у Тиши завтрака.

Я посмотрел на него поверх бумаг. После такой ночи известие об отсутствии завтрака у питомицы было последним, что могло бы испортить мне настроение.

Он с дубу, что ли, рухнул? Какой завтрак? Только от работы меня отвлекает, причём без толку.

– Степан, – вздохнул я. – Мы всю ночь человека с того света вытаскивали. Честно тебе скажу, отсутствие завтрака у Тишь я уж как-нибудь переживу.

– Да беда-то в другом, барин, я неправильно выразился, – он понизил голос. – Не у кого больше молоко брать. Глафира-то пропала!

– Какая Глафира? – не понял я. Мозг стал хуже соображать из-за недостатка сна.

– Да у которой мы молоко в всегда брали. Деревенская баба, – напомнил Степан. – Я нынче утром к ней зашёл, как заведено. А изба пустая. Коровы и куры не кормлены, печь холодная. Будто её там уже несколько дней нет. Я к старосте пошёл. Игнат Прохорович тоже сам не свой. Говорит, нету Глафиры. Со вчерашнего вечера как сквозь землю провалилась.

Я отодвинул в сторону бумаги. История Степана меня напрягла. Может, и пустышки какие-то, но лучше обратить на это внимание. Всё-таки на моей земле это происходит.

– Сбежала? – предположил я. – Может, к родне уехала?

– Куда ей бежать, барин? – Степан развёл руками. – Старуха одинокая, вся родня в земле уже. Хозяйство, куры, корова – всё, что у неё осталось. Такие люди обычно никуда не бегают. Им бежать-то попросту некуда. А самое чудное, барин, – он снова понизил голос, – староста сказал, мол, она не первая. С неделю назад парень один пропал, Гришка, кузнецов сын. Тоже сгинул, будто и не было его тут никогда. Только вот про него как раз и подумали, что в город он подался. Молодой, дурной, чего с него взять? А теперь вот и Глафира пропала. Странно всё это...

– Степан, – проговорил я. – Гришка пропал неделю назад, а мне об этом говорят только сейчас? Только потому, что у нас дефицит молока возник?

– Так ведь... – он замялся. – Думали, сам ушёл, барин. Дело-то житейское. Кто ж знал!

В этом и крылся весь корень проблемы. Никто ничего не заподозрит, пока не пропадёт второй человек. Один сбежавший парень – мелочь. Двое пропавших за месяц – это уже повод срочно начинать расследование.

Идеальное время выбрали мои неприятности. До собрания суда остаются считанные дни, Озёров точит на меня зубы со своими бумагами, в моём лесу зреет война с Тенелистом, а Северский стремительно угасает.

Так теперь ещё и люди в Васильевке начали исчезать!

– Готовь лошадь, – велел я. – Едем в деревню.

Менее чем через полчаса мы уже оказались на месте.

Староста Васильевки, крепкий мужик по имени Игнат, встретил меня у своей избы, мял в руках шапку и кланялся чаще, чем нужно. Боялся он не столько меня, сколько того факта, что барин сам приехал по такому делу.

– Виноваты, ваша милость, – твердил он. – Не доглядели. Думали, сама объявится!

– Прекращай оправдываться, – попросил я. – Веди к избе Глафиры. Открой мне её. Хочу сам на всё глянуть.

Игнат засеменял впереди по утренней деревне. Бабы провожали меня взглядами из-за плетней и тут же отворачивались, шептались. Деревня знала – что-то не так. И это меня напрягало. Поздно до меня дошли слухи.

Изба Глафиры стояла на отшибе, у самой опушки. Последний двор перед лесом. Я отметил это сразу. Важная ведь деталь. Если какой-нибудь вредитель приходит из леса, эта изба первая на его пути.

Проход завозился с воротами, отодвинул жердь, толкнул дверь.

– Не заперто было, барин, – пробормотал он. – Глафира сроду на ночь не запиралась, бояться-то некого. По крайней мере... раньше было некого.

Я вошёл внутрь. В доме было тихо. На первый взгляд, ничего необычного. Холодная печь, аккуратно застеленная постель. Прялка у окна, моток шерсти упал на пол и так и лежал. Глиняная миска на столе с засохшей кашей.

Всё говорило об одном: хозяйка вышла на минуту и не вернулась. В дорогу не собиралась, узлов не паковала. Просто встала и вышла.

Следов борьбы тоже не видно. Замки целы, окна целы. Ничего не перевёрнуто, ничего не разбито. Если её и увели, то увели тихо. Вполне может быть, что она пошла сама, не сопротивлялась. Либо же её взяли так быстро, что она не даже дёрнуться не успела.

Я уж было решил, что зацепиться тут не за что, что осмотр ничего не дал и придётся искать иначе. Развернулся к двери.

И тут мой взгляд зацепился за порог.

Я замер.

Возле самого порога, на земляном полу лежало то, чего в крестьянской избе быть не могло.

Проклятье... А это ещё что такое?

Глава 4

Я опустил на корточки у самого порога, но трогать находку не стал. Мало ли чем мне это может грозить в мире, где магия встречается чуть ли не на каждом шагу.

На утоптанном земляном полу лежал маленький кристалл. Размером с фалангу пальца, тускло-серый, с прожилками глубокого фиолетового цвета внутри.

– Барин, что это? – Степан вытянул шею, заглядывая мне через плечо.

Я не ответил сразу. Повертел головой так и эдак, разглядывая камень со всех сторон, но не касаясь его. Прожилки внутри едва заметно мерцали, словно в глубине минерала ворочалось что-то живое.

Деревенской старухе такая вещь была без надобности. Глафира пряла шерсть, доила корову и кормила кур. Откуда у неё, на земляном полу у порога, взялся обработанный магический кристалл? А в магическом происхождении можно было не сомневаться.

Любо она его сюда сама принесла, – но тогда странно, что он лежит на пороге, – либо его обронил тот, кто за ней пришёл. Вот это более вероятно.

– Это, Степан, – ответил я наконец, поднимаясь, – сулит нам всем большие проблемы.

Я достал из кармана платок, опустил снова и осторожно, краем ткани, поддел камень. Касаться его голой рукой я по-прежнему не желал. Завернул в платок, сложил вдвое, убрал во внутренний карман сюртука.

Кристалл едва ощущался сквозь ткань, но это слабое присутствие неприятно давило, как мелкий камешек в сапоге, о котором помнишь каждый шаг.

Степан переступал с ноги на ногу. Перепугался он не на шутку, это читалось по тому, как он мял рукав рубахи и косился то на меня, то на тёмный угол избы.

Игнат у двери побледнел и привалился плечом к косяку. Староста, может, и не понял, что за камень я только что упрятал в карман, но прекрасно сообразил: раз барин с таким лицом заворачивает находку в платок, добра от неё не жди.

– Что ж теперь делать-то, барин? – спросил Степан совсем тихо.

– Едем в Волгин, – велел я. А затем обернулся к Игнату. – О находке никому не говорить. Не хватало ещё народ пугать. Ясно?

– Понял, барин, – кивнул староста.

Хотя по глазам было видно, что он едва боролся с желанием пойти и всем рассказать о произошедшем. Всё-таки в деревне мало что происходит, а потому и слухи разлетаются со скоростью света.

Дорога до города у нас со Степаном заняла около часа.

В Волгине я первым же делом велел Степану повернуть к доходному дому на тихой улочке за почтой. Там снимал квартиру Михаил Горенков.

– Жди здесь, присмотри за лошадьми пока, – велел я, а сам подошел к подъезду.

Затем поднялся по лестнице и постучал. За дверью что-то стукнуло, скрипнул отодвигаемый стул, и на пороге возник Горенков. Растрёпанный, в распахнутой на груди рубахе, с улыбкой до ушей.

– Всеволод? – он явно не ждал гостей и оттого расплылся ещё шире. – А ты чего это без предупреждения? Случилось чего хорошее?

– Дело срочное есть, – сразу перешёл я к сути. – Ты как-то говорил, что знаешь в Волгине артефактора. Хвалил его не сильно, помнится. Говорил, мастер он так себе, ничего сложного не делает. Но если надо что попроще подсказать, он сможет.

– Говорил, было дело, – Горенков почесал затылок, припоминая. Он ещё тогда говорил, что со штырём этот человек мне не поможет. – Есть тут один. Гаврила Силыч. Особых талантов

за ним не водится, по мелочи перебивается, амулеты на удачу клепают, бабкам обереги. Но глаз намётанный, в камнях разбирается. Если что попроще – глянет, скажет.

– Вот он мне срочно и нужен. Веди.

Горенков замаялся. Улыбка с его лица не сошла, но в ней появилось виноватое выражение.

– Всеволод, я сейчас немного... того... – он не успел договорить.

Из глубины квартиры, из-за неплотно прикрытой двери донёсся звонкий девичий смех. Кто-то там явно скучал в одиночестве и был не прочь, чтобы хозяин вернулся поскорее.

Я молча посмотрел на Горенкова. Не сказал ни слова, лишь чуть приподнял бровь и выдержал паузу. Иногда взгляд работает лучше любых распоряжений.

Горенков всё понял мгновенно.

– Так, ладно, ладно, – он метнулся обратно в комнату, что-то торопливо проговорил вполголоса, послышался обиженный девичий возглас, а через минуту посыльный уже выскочил на лестницу, на ходу застёгивая рубаху. – Идём, Всеволод. Тут недалеко, две улицы всего.

Мастерская Гаврилы Силыча располагалась в полуподвале старого дома и спускаться к ней пришлось по выщербленным ступеням.

Внутри было тесно, пыльно и пахло канифолью и металлом. На полках теснились коробки, склянки, мотки проволоки, груды необработанных камешков. За верстаком, среди этого хаоса, сидел сам хозяин – шуплый человечек неопределённых лет, с залысинами и въедливым прищуром, какой бывает у тех, кто полжизни проводит, разглядывая мелочь под лупой.

– Гаврила Силыч, – Горенков подтолкнул меня вперёд. – Вот, господин Дубровский к тебе. По делу. Глянуть надо одну вещицу.

Артефактор смерил меня взглядом, оценил покроем сюртука, задержался на лице. Понял, что к нему не бабка пришла за оберегом.

– Показывайте, что у вас, – проскрипел он.

Я достал платок, развернул его на верстаке, по-прежнему не трогая камень руками. Гаврила Силыч склонился над находкой, и прищур его сделался ещё цепче. Он взял лупу, повертел её, но к самому кристаллу тоже не притронулся, лишь поднёс ладонь, замер, прислушиваясь к чему-то своему. К чутью, наверное.

– Ого, – выдохнул он через несколько секунд. – Это вы где такое раздобыли, господин хороший?

– Это потом, – отрезал я. – Сперва скажите, что это.

Артефактор пожевал губами, ещё раз провёл ладонью над камнем.

– Дешёвка, – вынес он вердикт, и в голосе его смешались презрение знатока и опасливое уважение. – На редкость пакостная. Ментальный кристалл, господин Дубровский. Самый что ни на есть простенький. Одноразовый. Сработал – и выкинуть можно, проку больше нет.

– Поясните, – велел я. – Что значит ментальный? Что он делает?

– А то и делает, что волю человека давит, – Гаврила Силыч откинулся на табурете и сложил руки на впалой груди. – Подносишь такой к человеку, ломаешь печать – и всё. Человек на короткое время делается как телёнок на верёвочке. Сам идёт, куда поведут, сам делает, что велют, а после и не вспомнит толком, что с ним было. Только один раз. Сила в нём малая, на большее не хватает.

Я слушал и чувствовал, как картина в голове складывается. Глафира вышла из избы сама. Просто встала и пошла за тем, кто поднёс к ней этот камень. Вот почему ни следов борьбы, ни сломанных замков. Её не тащили. Её увели.

– Где такое достать можно? – спросил я.

– В том-то и беда, что мало где, – артефактор покачал головой. – Вещь запрещённая, господин Дубровский, и давно запрещённая. Сознание подавляет, а за такое по головке не гладят. В деревне или в уездном городишке вроде нашего вы такого днём с огнём не сыщете.

Это товар столичный, либо уж из Саратова. Из большого города. И даже там его так просто не купишь, надо знать, к кому подойти.

Любопытно. Камень простой, а достать его непросто. Кто-то либо привёз эту дрянь из крупного города загодя, либо имел выходы на тех, кто такими вещами торгует из-под полы. Деревенский лиходей с такой штукой возиться не станет, ему она ни к чему. Значит, охотник на людей в моих краях завёлся не из простых.

– А кто торгует таким, не подскажете? – спросил я без особой надежды. – Имена, места.

– Не моя это епархия, господин хороший, – Гаврила Силыч развёл руками. – Я человек маленький, обереги клепаю да амулеты. С такими делами не знаюсь и знаться не хочу. Кто этим промышляет, мне неведомо.

Тупик. Камень указывал на чужака с деньгами и связями в большом городе, но дальше ниточка обрывалась. Я уже собирался поблагодарить артефактора и уйти, когда он вдруг снова склонился над кристаллом, поднёс ладонь и нахмурился.

– Постойте-ка, – пробормотал он. – Чудно...

– Что такое?

– Да тут ещё что-то есть, – он водил рукой над камнем, и въедливый прищур сменился искренним недоумением. – Поверх ментальной силы. Слабый совсем след, едва уловимый, я его сперва-то и не заметил. Чужая аура, господин Дубровский. Тёмная. И не похожа она ни на что, что я раньше встречал. От камня одно, а это – другое, поверх легло. Будто его держал кто-то... не пойми кто. С такой силой, какую я и не знаю.

Я снова взял кристалл сквозь платок и прикрыл глаза. Прислушался к нему так, как прислушивался к лесу. И уловил то, о чём говорил артефактор: тонкий, маслянистый налёт чужой воли, осевший на камне, как копоть на стекле.

Но это был не Тенелист.

Я слишком хорошо изучил врага из мёртвой зоны. Его магию я узнал бы из тысячи. Эта аура была иной. Похожей по природе, такой же тёмной и враждебной, но другой.

И от этого открытия мне стало совсем не по себе.

Выходит, в моих землях или где-то поблизости завёлся ещё один тёмный маг. И этот новый деревенских старух похищает. Зачем – я пока не знал. Но твёрдо знал одно: одного тёмного колдуна на свою голову мне было более чем достаточно.

– Благодарю, Гаврила Силыч, – сказал я, заворачивая камень обратно в платок. – Вы мне очень помогли. Больше, чем можете представить.

Я положил на верстак оплату, и щуплый артефактор проворно её сгрёб, кланяясь и бормоча, что всегда рад услужить. Горенков проводил меня до выхода.

– Можешь возвращаться. Как понадобишься – пришлю весточку, – сказал я ему.

– А что там случилось-то, Всеволод? – любопытство в нём боролось с явным желанием поскорее вернуться к гостю на квартире.

– Ничего, что тебя касается, – успокоил я его. – Развлекайся.

Горенков просиял и нырнул обратно в переулочек. А мы со Степаном двинулись в обратный путь, к поместью.

Всю дорогу я молчал, перебирая варианты. Степан тоже помалкивал, лишь изредка косился на мой карман.

Дома я первым делом отослал его заниматься хозяйством.

– Иди, Степан. По дому дел невпроворот. С Тишью что-нибудь придумай. Коров Глафиры явно кому-нибудь пристроили. А я займусь остальным.

– Пристроить-то пристроили, но они так распереживались, что молока не дают, – ответил Степан.

Вот уж проблема! Стресс у коров!

– В соседних деревнях тогда возьми, – сказал я, помня, что на этих землях ещё два поселения. – Понимаю, что далеко. Возьми кого-то из егерей для безопасности.

– Будет сделано, барин, – он засеменял к дому, явно радуясь, что страшное дело с камнем берёт на себя кто-то другой. Поездка по сравнению с этим казалась ему просто райским отдыхом.

Сам я завернул в лечебницу проведать Северского. Тот спал в своей палате, рядом дремал на табурете сменивший Лизу Павел Демьянович. Судя по всему, у обоих всё нормально.

Хорошо. Одной заботой на ближайшие часы меньше.

Теперь – главное. Глафиру нужно искать сейчас, по горячему следу, пока его не размыло. Небо затягивает тучами, и ночью собирается дождь.

Сам я следопыт никудышный. Зато у меня под рукой были люди, которые читали лес как открытую книгу.

Виктора я нашёл у флигеля. Он сидел на лавке, разложив на коленях разобранную винтовку, и неторопливо чистил ствол. При моём приближении поднял голову.

– Случилось что-то, – констатировал он. Читать меня он научился неплохо.

– В Васильевке пропали двое, – коротко изложил я. – Старуха и парень. Я только что от артефактора в Волгине. Их увели силой, ментальным кристаллом. В лесу завёлся кто-то, кто охотится на людей. Бери ружьё. И Славу позови.

Виктор не задавал лишних вопросов. Он собрал винтовку несколькими скупыми движениями, поднялся и пошёл за Славой. Через полчаса мы втроём уже стояли у избы Глафиры на отшибе.

Слава присел у порога, оглядел утоптанную землю двора, пощупал что-то, понюхал воздух.

– След есть, – сказал он, поднимаясь. – Слабый. Двое здесь были. Баба и кто-то ещё, в сапогах. Шли вон туда, к лесу. Не торопясь шли, нога в ногу. Будто под ручку гуляли.

Под ручку... Я мысленно усмехнулся, однако без всякого веселья. Всё сходилось. Ментальный камень делал своё дело: старуха покорно шла за похитителем.

– Веди, – сказал я. – Идём по следу.

Мы углубились в лес. Слава двигался первым, низко наклонясь, временами замирая и разглядывая то примятую траву, то сломанную веточку, то отпечаток на сырой земле. Виктор шёл следом, держа винтовку наготове. Я замыкал и всю дорогу прислушивался к лесу.

След вёл нас медленно. Слава то и дело терял его и находил снова, бормоча себе под нос ругательства. Сначала тропа повернула на запад, в сторону границы моих владений, туда, где начинался ничейный лес. Тот самый клочок, где мужики из Васильевки рубили деревья на дрова и постройки.

– Сюда, – Слава махнул рукой. – Через вырубку прошли.

Мы миновали участок свежих пней и поваленных стволов. Здесь, на открытом месте, след читался получше, и Слава приободрился, зашагал увереннее.

А меня кольнуло нехорошее предчувствие, когда тропа, обогнув вырубку, повернула дальше, на земли, где когда-то властвовал Тумалин, которого мне пришлось убить. Тварь, что держала людей в подвале своего особняка и охотилась на них ради забавы. Я оплёл его ветвями и вздёрнул на собственном балконе, а пленников вывел на свет. И до сих пор у меня в ушах стояли слова одного из них, одноногого, который, выйдя во двор, посмотрел на висящее тело и обронил: зря, мол, вы это сделали, барон. Тумалин был куском дряни, но на его место придёт кое-кто похуже.

– Слушай, Всеволод, – подал голос Слава, не отрываясь от следа. – А коли мы и впрямь на колдуна тёмного выйдем? Что делать будем? Я-то по тварям мастак, а вот по магам...

– Бой дадим, – ответил я спокойно. – И людей вытащим. Если они ещё живы.

– Так-то оно так, – Слава покосился на меня через плечо. – Только колдун – это вам не кабан. Колдуна из ружья не больно-то возьмёшь.

– Ружьё оставь себе на крайний случай, – сказал я. – Колдун – моя забота. Твоя забота – довести нас до места и не потерять след.

Виктор за моей спиной хмыкнул, но ничего не сказал. Он-то знал, на что я способен, и в исходе схватки, похоже, не сомневался.

Чем дальше мы углублялись в земли Тумалина, тем сильнее меня грызло опасение, что след выведет нас напрямиком к его опустевшему особняку. К тому самому подвалу с камерами для людей. И если предсказание одноногого сбылось, если на место Тумалина и впрямь явился кто-то похуже и облюбовало его старое логово...

Тогда нас ждали серьёзные неприятности.

Однако след свернул в сторону, не дойдя до бывшей усадьбы. Слава вывел нас на узкую звериную тропу, что уходила в дикую чащу, прочь от тумалинских развалин. Я выдохнул с облегчением. К особняку мы не шли. Уже хорошо.

Ещё через полчаса медленного хода деревья расступились, и впереди, на маленькой прогалине, показалось жильё.

Не особняк. Даже не зловещее логово тёмного мага. Самая обычная охотничья избушка, маленькая, кривая, срубленная из почерневших от времени брёвен. Покосившаяся крыша поросла мхом, единственное окошко затянуто бычьим пузырьём. Из трубы вилась тонкая струйка дыма. У стены была сложена поленица, рядом стояла колода для рубки дров, в которую был воткнут топор.

Тишина и покой. Жильё лесника, каких в любой большой чаще найдётся не один десяток.

Виктор остановился на краю прогалины, оглядел избушку и недоверчиво качнул головой.

– Не похоже на пристанище колдуна, Всеволод. Это охотничья сторожка, – проговорил он вполголоса. – Тут какой-нибудь дед-промысловик живёт, белок стреляет.

– Сюда следы ведут, – упёрся Слава, и в голосе его прорезалась обида знатока, чьё умение поставили под сомнение. – Я что, по-твоему, дорогу перепутал? Я всю жизнь тварей выслеживаю, которые куда хитрее любого человека прячутся. И след человека от следа зверя всегда отличу. Так вот этот, – он ткнул пальцем в сторону избушки, – вообще, похоже, в лесу-то отродясь не бывал. Городской. След топорный, неумелый. Шёл и не прятался. Привёл нас прямо сюда. Не мог я ошибиться.

– Городской, что привёл к лесной сторожке, – Виктор скептически прищурил здоровый глаз. – Вот и не сходится у тебя.

– Сходится, не сходится, а следы тут, – отрезал Слава.

Я поднял руку, обрывая спор, пока он не разгорелся.

– Хватит. Спорить будем после. Сейчас просто проверим, кто там живёт. Иной раз самое неприметное жильё прячет самое поганое нутро. Тумалин вон тоже в особняке жил, а не в берлоге. За мной. Спокойно, без оружия наголо. Идём как хорошие люди, мимо проходили.

Мы пересекли прогалину. Я первым поднялся на скрипучее крыльцо, помедлил мгновение и толкнул дверь.

Она отворилась с протяжным скрипом, цепляясь за неровный пол. Внутри было сумрачно и тесно. В углу горел очаг, на нём булькал котелок. Пахло варевом и сушёными травами. На стенах висели связки шкурок, силки, нехитрая утварь. И посреди этого скромного жилья, на лавке у стола, сидел старик.

Самый обыкновенный. Седой, заросший клочковатой бородой, в потёртом тулупе, накинутом на плечи. Он чинил силки и при нашем появлении поднял на нас выцветшие глаза без всякого испуга, лишь с лёгким удивлением. На грозного колдуна он походил не больше, чем покосившаяся изба – на дворянскую усадьбу.

– Гостей принесло, – проскрипел он и отложил силок. – Редко ко мне кто заходит, места глухие. Чем могу служить, господа? Заплутали, может? Так я дорогу укажу.

Говор у него был простой, деревенский. Старик как старик.

Слава шагнул вперёд.

– Людей ищем, отец, – сказал он. – Из Васильевки. Старуха пропала, Глафира, и парень один до того сгинул. Не видал ли кого в здешних краях?

– Людей? – Старик поскрёб бороду, искренне задумавшись. – Не, господа. Никого я тут не видал. Почитай, неделю уж ни единой души. Я ведь один живу, на отшибе. Только на дичь и хожу, белку бью, зайца силком беру. Какие тут люди! – он покачал головой и прищурился. – А кто пропал-то, говорите? И где? Может, чем подсоблю, коли знаю чего.

Виктор за моей спиной молчал, не торопясь выкладывать подробности незнакомцу. Правильно делал. Я и сам не спешил.

Старик снова взялся за силок, повертел в узловатых пальцах. И вот тут, в скудном свете очага, я мельком выцепил взглядом его руки. Кайма под ногтями была не чёрной, как у привычного к земле и саже лесовика. Она чуть отдавала фиолетовым, как у кристалла.

– Не знает он ничего, Всеволод, – проговорил Виктор негромко. – Дед как дед. Только время теряем. Пойдём отсюда, поищем след дальше. Может, Слава где петлю упустил.

Он повернулся к двери.

– Пойдите, – велел я.

Голос мой прозвучал негромко, но Виктор со Славой замерли. Я шагнул вперёд, к старику, и встал так, чтобы оказаться между ним и выходом. Перекрыл ему путь.

И позвал лес. Одним усилием воли потянулся к деревьям вокруг сторожки. И они отозвались сразу, охотно, с той особой готовностью, какую я научился различать. Это были земли покойного Тумалина, которые я освободил от его власти. Деревья помнили, кто избавил их от чудовища, и были благодарны. Стоило мне попросить, и корни зашевелились под полом избушки, поползли к стенам, оплетая углы, перекрывая щели. Снаружи к единственному окошку придвинулись ветви.

Старик это почувствовал. Выцветшие глаза его дрогнули, рука замерла на полпути к отложенному силку.

– Что вы это, барин? – проговорил он, и в голосе впервые мелькнула тревога. – Что за чудеса?

– Тебя выдала одна деталь, – сказал я, глядя ему прямо в глаза. – Так что говори. Куда ты дел людей? И для чего ты их похищал?

Глава 5

Старик снова отложил недоплетённый силок. Напрягся, будто готовился к чему-то. Напасть? Вряд ли.

Но в то же время он выглядит слишком уж спокойным для человека, в дом которого ворвались трое вооруженных мужчин.

– Да о ком ты всё судачишь, барин? – проскрипел он и развёл руками. – Сказал же – один я! Ничего не знаю. Зря ты меня обвиняешь. Обознались вы – зуб даю. Что меня выдать-то могло, если я невиновный? Глупости эдакие!

Я молчал и смотрел на его пальцы. В прошлой жизни я провёл за столом переговоров не одну сотню часов и научился слушать не столько слова, сколько паузы. Слова человек подбирает. Паузу не подделаешь. Этот старик отвечал на полтакта раньше, чем следовало, будто заранее заготовил реплики и теперь зачитывал их по списку. Так держится не тот, кого застигли врасплох, а тот, кто давно ждал гостей и отрепетировал встречу до последнего вдоха.

– Под ногтями у тебя фиолетовое, – сказал я. – Кристальная пыль. Такая остаётся у тех, кто долго держал в руках камень вроде того, что я подобрал у Глафиры на пороге.

Старик глянул на свои руки и тут же спрятал их в рукава тулупа.

– Чернику собирал, барин. От черники и пятна.

– Да ну? – хмыкнул я. – А что ж от этой черники так магией фонит?

Он осёкся. Совсем ненадолго, но я это уловил.

– А ты глазастый, барин, – проскрипел он уже чуть иначе, и в голосе впервые мелькнуло что-то живое. Я почти его раскусил. Скоро он перестанет притворяться. – Пряткий ты не по годам, барин. Молодые нынче всё бегом, всё напролом.

– Я предложу тебе сделку. Один раз, – продолжил я ровно, тем самым голосом, каким говорил с егерями и с тяжёлыми пациентами. Угроза работает не громкостью, а тем, насколько в неё верят. – Ты сейчас отдаёшь мне людей, которых увёл. Живыми. После этого едешь со мной в Волгин и сам сознаёшься полиции во всём, что натворил. Это твой шанс заплатить за сделанное по-людски. На суде, как у дворян заведено. Я это устрою.

– А коли откажусь? – тихо спросил он.

– Тогда я убью тебя прямо здесь.

Пока что мне нет резона его убивать. Нужно лишь немного припугнуть, чтобы у него не осталось выбора. Он должен сдаться и рассказать всё, что скрывает. Иначе мы рискуем потерять важную информацию. Сдадим мы его в полицию – а что дальше? Может, у него сообщники есть!

Виктор за моей спиной перехватил винтовку, и я услышал, как скрипнул ремень. Слава замер у двери, переводя взгляд с меня на старика и обратно. Он нешуточно напрягся.

– Барин, – прошептал Виктор, – может, проще его связать да в Волгин отвезти? Чего болтать с ним без толку?

– погоди, Витя, – не оборачиваясь, ответил я. – Пусть сам выберет. Видишь корни под полом, старик? – я указал взглядом на угол, где из щелей выползли древесные жилы. – Лес меня слушается. И поверь, он знает, что здесь творится, лучше меня самого. Я попрошу, и он сделает то, что велю. Ни ружья, ни ножи ему для этого не понадобятся. Так что выбирай быстро. Будешь тянуть время – станет только хуже.

Старик долго смотрел на корни. Грудь его поднялась и опала в тяжёлом вздохе.

– Эх, барон, барон, – он покачал головой. – Молодой ты ещё. Думаешь, всё на свете деревьями своими решишь?

И следом сделал то, чего мы с охотниками меньше всего ожидали.

Щёлкнул пальцами.

В следующий миг лавка передо мной опустела. Старик просто перестал существовать, будто его перед нами никогда и не было. Воздух у двери дрогнул, и за спиной у Славы метнулась тень, рванула к выходу. Я ещё не успел понять, что вижу, но тело уже сработало на чистых рефлексах.

Однако лес успел раньше меня.

Ветви, которые я заранее подвёл к окошку и порогу, хлестнули внутрь сквозь щели, перекрыли дверной проём и оплели фигуру. Человек дёрнулся, забился в путах, но древесные жгуты держали его крепко, прижали к косяку.

Тут-то и выяснилось, что всё происходящее было не более чем иллюзией.

“Старик” предстал перед нами в своём истинном облики.

Седина, борода, тулуп, дряхлое скрюченное тело. Всё это сошло, как мокрая краска под дождём. У двери, спутанный ветвями, стоял мужчина лет тридцати пяти. Тёмные волосы, жёсткое лицо, городское пальто, совсем не по лесу. Молодой, крепкий, с цепким и злым взглядом.

– Чёрт, – выдохнул Слава и отшатнулся, едва не выронив нож. – Барин, он же только что...

Виктор вскинул винтовку, но стрелять не стал, только повёл стволом, держа незнакомца на прицеле.

– Стой смирно, – процедил он. – Дёрнешься, и я проверю, обманешь ты пулю или нет.

Признаюсь, я и сам на мгновение опешил.

Маг иллюзий. Вот оно что. Не глаза мне отвёл, а целиком слепил себе чужую оболочку, от седой головы до старческих рук. Городской человек привёл нас к лесной сторожке. Следы оставлял топорные, неумелые, как подметил Слава совсем недавно. Так ещё и эти камни, которых в нашем уезде не достать. Всё это сложилось у меня в одну картинку, и она мне совсем не понравилась.

– Любопытно, – протянул я, разглядывая пленника. – А ведь деревья тебя раскусили раньше меня. Им всё равно, какое у тебя лицо. Иллюзией кору не обманешь.

– Снимите это с меня! – процедил он, дёргая плечом. Древесные жгуты намертво оплели тело обманщика.

– Сначала имя.

– А то что? Убьёшь? – он криво усмехнулся. – Грозился уже!

– Имя, – повторил я.

Он молчал, играл желваками. Я попросил лес чуть сжать петлю на его груди. Не до боли, а до ясного понимания, кто здесь распоряжается. Ветвь натянулась, и пленник коротко выдохнул сквозь зубы.

– Захар, – выдавил он наконец. – Захар Дмитриевич. Тумалин.

В избушке стало очень тихо. Только котелок над очагом булькал да потрескивали угли. У меня по спине пробежал холодок. Я даже не сразу понял: моё тело так отреагировало или лес отозвался на знакомое имя?

– Тумалин, – повторил Виктор, и в голосе его прорезалась злость. – Барин, это ж родня того упыря. Который в подвале людей держал!

– Брат, – сказал я, не сводя глаз с пленника. – Братом ты покойному Андрею Дмитриевичу приходишься. Верно?

– Младший, – он криво усмехнулся, но усмешка вышла больная. – Хотя по бумагам мне эта земля и не принадлежит. Мы с Андреем рассорились так, что я прав на наследство лишился подчистую. Уехал в Саратов, жил себе тихо, не поминал ни брата, ни эти проклятые места. А как прознал, что братец мой на собственном балконе закачался...

Он скользнул по мне тяжёлым взглядом и не договорил.

– Так и вернулся, – закончил я за него.

– А что мне было, по-твоему, в Саратове сидеть? – он дёрнул плечом, насколько позволяли пути. – Земля-то пока ничья. Графу Бойкову отписана временно, под пригляд. А кому достанется насовсем, ещё решать будут на собрании. Вот я и подумал, отчего бы законному Тумалину не поучаствовать в делёжке. Кровь моя на этой земле! Что бы там в бумагах ни писали.

Я слушал и складывал куски, как бывало делал это в прошлом с разрозненными пунктами чужого договора. Сейчас земли Тумалина под временным присмотром Бойкова, моего же сюзерена. Законного хозяина нет. Претендентов, надо думать, несколько. И один из них стоит сейчас передо мной, спутанный ветвями. И ворует, зараза, чужих крестьян ментальными камнями!

– Поучаствовать, – повторил я. – Ворую людей с моих земель? Своеобразная заявка на наследство, ничего не скажешь.

– Вы думаете, мой брат был просто сумасшедшим, – Захар будто не услышал мой комментарий. Голос его осип, потерял злость. – Кровожадным ублюдком, который держал людей в подвале забавы ради. Так вот, барон, в этом вы правы. Андрей был дрянью, каких поискать. Он убивал и радовался этому. Я его за то всю жизнь и ненавидел, ещё мальчишкой терпеть не мог. Но людей он морил не только потому, что ему это нравилось.

– А почему ещё?

Он опустил голову. Жгуты держали его за плечи, и оттого казалось, что он кланяется.

– В этом лесу живёт существо, – проговорил он глухо. – Дух или... что-то иное. Мы сами толком не знаем, что это. Древнее, старше нашего рода. И оно требует жертв. Постоянно, по сроку. Тумалины маются с ним из поколения в поколение и молчат, потому что стоит проболтаться, и оно первым делом сожрёт тебя самого.

– Брешет, – не выдержал Виктор. – Барин, не слушайте вы его. Сказку складывает, чтоб шкуру свою спасти.

– Сказку? – Захар вскинул голову, его глаза полыхнули от гнева. – Ты, охотник, в этот лес ночью сунься, тогда и поговорим, кто сказки рассказывает. Я бы и рад брехать. Брехать спокойнее, чем правду эту носить.

Я смотрел ему в лицо и пытался понять, врёт или нет. На враньё было не похоже. Слишком уж буднично он говорил о чудовище, без надрыва.

– И ты решил продолжить семейное ремесло, – сказал я. – С чужих земель теперь ворует. Со своих воровать несподручно, верно? Свои крестьяне тебе ещё пригодятся, когда землю получишь.

– Сообразительный, – без улыбки отозвался Захар. – Да, барон. Своих беречь надо. А ваши... Не обессудьте. Ничего личного тут нет, одна нужда.

– Нужда, – хмыкнул я. – Двух живых людей в нору к твари оттащить, это у тебя нуждой зовётся?

– А у вас как зовётся, когда вы скотину на убой ведёте? – он прищурился. – Тоже ведь живая. Тоже мычит.

– Люди тебе не скотина.

– Для твари нет разницы, – тихо сказал он. – И в этом вся беда.

Картина прояснялась и нравилась мне всё меньше. В двух часах ходу от моего особняка, от санатория, от Васильевки, сидело в норе нечто, что требовало человеческого мяса по расписанию. И сидело давно. Прежний хозяин кормил его тихо, не вынося сор из избы, а теперь эстафету подхватил младший брат.

– Убить его пробовали? – спросил я.

– Деды наши пробовали. И прадеды, – Захар коротко мотнул головой. – Чем кончилось, в семейных бумагах писать не любят. Знаю только, что после той попытки в роду нашем три года хоронили людей больше, чем рождалось. Это существо сильнее всего, что я видел. С ним

не воюют, барон. Ему служат. Кормят по сроку и оно сидит смиренно в своей пещере. Других путей нет, уж поверьте тому, кто всю родню на этом схоронил.

Я молча переваривал услышанное. Знаю я такую манеру поведения, на людях это неоднократно повидал. Понимаю, как устроено мышление этого существа. Берёт свою долю стабильно, не зарывается и сидит спокойно. Стоит задержать “выплату”, и спокойствие заканчивается очень быстро. Чудовище в норе действует как рэкетиры. А с этой породой я умею разговаривать!

– Мне твои семейные предания без разницы, – сказал я наконец. – Давай сюда моих людей. Старуху и парня. Чудовище – твоя забота, не моя.

– В том и беда, барон, – Захар растерялся. – Если я отдам вам этих двоих, то нарушу срок. А оно мне этого не простит. Догадываетесь, что случится?

Он выдержал паузу.

– Рассказывай, – сухо ответил я.

– Сейчас оно сыто ожиданием, ждёт обещанное и терпит. Но если жертвы не будет в положенный час, через малое время оно выйдет само. И тогда ему станет всё равно, чьи это люди и где чья межа. Оно пойдёт собирать само. Деревнями, барон. Васильевку вашу вырежет под корень, а после и за санаторий ваш хваленый примется. И за всё, до чего дотянется. Двоих спасёте, сотню положите. Вот вам и весь расклад.

Виктор за спиной выругался сквозь зубы, коротко и грязно. Слава побледнел и перекрестился.

Вот теперь я окончательно понял, перед каким выбором мне придётся встать.

С одной стороны, двое моих людей. Старуха Глафира, что доила корову для Тишь, и кузнецов сын Гришка. Бросить их я не могу. Приносить человека в жертву твари ради своего покоя я не стал бы ни в прошлой жизни, ни в этой.

С другой стороны, если Захар не врёт, спасение двоих оборачивается гибелью десятков. Может, даже сотен. И не важно, на моей земле или на чужой. Цифра выходит несопоставимая, и любой управленец, глядя на такой выбор, сказал бы, что двумя придётся пожертвовать ради многих.

Любой, но не тот, кто прошёл школу настоящих переговоров. Я усвоил одно железное правило. Когда тебе подсовывают выбор из двух плохих вариантов, нельзя хвататься ни за один, пока не нашёл третий. Тебя загоняют в рамки, а в рамках всегда проигрываешь.

– Сколько у меня времени? – спросил я. – От пропущенного срока до того, как существо выйдет на охоту.

– А вам зачем? – Захар прищурился. – Надумали что?

– Сколько, Захар? – повторил свой вопрос я.

Он помолчал, прикинул что-то про себя.

– Примерно неделя, – сказал он наконец. – Семь дней оно ждёт. Терпит. А после... Уж не обессудьте, барон, тут я вам не советчик.

Неделя.

Я едва не улыбнулся. Семь дней. Это не приговор. Времени достаточно, чтобы разобраться с этой проблемой. Только в одиночку я это делать не стану.

В голове уже выстраивался план, и чем дальше, тем больше он мне нравился. Через два дня в Волгине состоится дворянское собрание. Суд надо мной, тяжба с Озёровым, и при этом весь цвет губернии съезжается в один зал. Графы, бароны и сам Бойков собственной персоной. Те самые люди, в чьей власти в том числе и эта земля.

Зачем мне в одиночку биться с древней тварью? На руках у меня оказывался не один козырь, а целая стопка. Северский против Озёрова. Захар Тумалин, пойманный с поличным, живое доказательство того, что на Бойковских землях творится беззаконие. И сама тварь, общая беда для всех окрестных баронств.

Я выложу это собранию не как проситель, а как человек, раскрывший угрозу для всех сразу. Пусть графы решают, чьё это бремя. Сообща, всей губернией, они справятся с духом куда вернее, чем я с парой охотников. А неделя – ровно столько, сколько нужно, чтобы успеть и людей вытащить, и силу собрать.

– Значит, поступим так, – сказал я. – Людей ты отдаёшь сейчас. Обоих, живыми. А с твоей тварью я разберусь иначе. Не твоим способом. Это уже моя забота.

– Вы не понимаете, – начал Захар. – Без жертвы оно...

– Без жертвы оно выйдет через неделю. Ты сам сказал. Неделя мне и нужна.

– Один вы с ним не сладите, – он покачал головой. – Никто не сладит.

– А я и не собираюсь один.

Захар посмотрел на меня иначе. Без насмешки. Будто впервые увидел перед собой не зарвавшегося мальчишку-барона, а кого-то, с кем придётся считаться.

– Графам понесёте, – догадался он. – На собрание.

– Соображаешь, – кивнул я. – Тварь на Бойковской земле – беда общая. Пусть граф и решает. А ты при этом будешь живым свидетелем. Сдашься, расскажешь всё как есть, и тогда тебе бояться станет нечего. Тварь прикончат не твоими руками и не моими, а общими силами.

– А коли не прикончат? – тихо спросил он. – Коли испугаются?

– Тогда я придумаю что-нибудь ещё. Но в одиночку в его берлогу никто не полезет, ни ты, ни я.

Я шагнул ближе и потянулся к лесу. Но больше причинять боль и держать его силой я не собирался. Вместо этого попросил деревья показать ему то, что они показывали мне.

Присутствие чужой воли, древней и тяжёлой, идущей из глубины чащи. Я решил, что Захару Тумалину нужно самому почувствовать и понять, что в этом лесу теперь хозяин не монстр и не он сам. Природа पहले всего.

Захар побледнел. Дёрнулся, будто его окатили ледяной водой, и обмяк в путях. Злоба сошла с его лица, осталась одна усталость.

– Что вы... – прошептал он. – Что это было? Я такого... никогда...

– Это лес, – спокойно ответил я. – Слушай внимательно, Захар. У тебя два пути. Молчать, тянуть срок и ждать, пока тварь сожрёт тебя первым за то, что ты её подвёл. Или поехать со мной, сдать и рассказать всё графам, чтобы эту дрянь наконец прикончили общими усилиями. Тогда и тебе бояться станет нечего. Я не предлагаю тебе свободу. Этого обещать не могу. Но в живых ты останешься. А это, поверь, совсем немало.

Не знаю, что подействовало сильнее, мои слова или то, что показал ему лес. Но в его глазах что-то переломилось. Он осел в ветвях, и плечи его опустились.

– Ваша взяла, барон, – глухо проговорил он. – Тридцать лет я от этого леса бежал. Видать, не убежишь. Идёмте. Покажу, где они.

Людей он держал не в самой сторожке.

Пленников мы нашли в получасе ходу, у входа в пещеру, что чернела в склоне заросшего овражка. Глафиру и кузнецова сына Гришку, как оказалось, посадили под выступом, связанными. Лица у них были пусты – ментальный камень начисто отшиб волю. Старуха слабо повела головой, когда Слава тронул её за плечо.

– Глафира Петровна, – позвал он. – Слышишь меня? Глафира!

– А? – она моргнула мутными глазами. – Сынок... Ты ли это? Темно как...

– Живы, – выдохнул Слава и обернулся ко мне. – Барин, оба живы. Ослабли только здорово.

Я почувствовал глубокое облегчение. Успели всё-таки. Выдвинулись бы позже – вероятно, существо бы уже забрало свою дань. Я оставил охотников развязывать пленников, а сам подошёл к пещере. Замер у самого её входа.

Изнутри дул холодный ветер. Хотя... Нет. Ветром это не назовёшь. Да и на сырость обычной пещеры тоже не спишешь. Лес у меня за спиной притих, отступил, будто не желал подбираться к этому месту даже корнями. А из черноты входа исходило давление. Здесь оно ощущалось во много раз сильнее, чем в том же доме Захара. Затылок заломило. Я понял: постою здесь ещё немного – и кровь носом пойдёт.

Там, в глубине, действительно сидело нечто. Магия копилась в этой норе годами. И магия эта недобрая. Ох и отвратительное же место!

Соваться туда сейчас было бы чистым самоубийством. Захар не врал. Эту тварь не возьмёшь ни винтовкой Виктора, ни моими ветвями. Я постоял ещё мгновение, запоминая место.

– Барин, – окликнул сзади Захар. – Не стойте у входа долго. Оно чует живых. Не зовите беду раньше срока.

Я обернулся. Впервые за всё время он сказал что-то не ради себя.

– С пещерой будем разбираться позже, – сказал я. – И точно не втроём. Глафиру и Гришку везите в санаторий, – велел я охотникам. – Сдайте Лизе, пусть осмотрит обоих и приведёт в чувство. Камень их отпустит скоро, но проверить всё же надо. А этого, – я кивнул на Захара, – беру на себя.

– Один справитесь, барин? – нахмурился Виктор. – Маг всё-таки. Иллюзиями плюётся.

– Тут кругом лес. Не уйдёт. Да и в городе, если придётся, я найду способ с ним разобраться.

Дорогу до Волгина пленник проделал смирно. Не дёргался, не пытался снова обернуться стариком или растаять в воздухе. Я держал рядом тонкую нить леса, протянутую сквозь придорожные деревья, и он эту нить чувствовал кожей. Оттого и сидел тихо.

– Знаете, барон, – проговорил он на полпути, – я ведь думал, страшнее брата человека не встречу. Андрей хоть кричал, бесновался, душу показывал. А вы... какой-то тихий. Даже страшнее его, что ли. С вами и поспорить охоты нет.

– Я не страшный, Захар. Просто не люблю, когда воруют моих людей.

– Оно и видно, – хмыкнул он и умолк до самого города.

В полицейской части он сознался сам, без лишних уговоров. Выложил и про камни, и про похищения. Про тварь в пещере я велел ему молчать до собрания.

Я велел полицейским придержать его в камере. А через два дня его судьбу решат там же, где и мою.

В имение я вернулся уже в сумерках, уставший, с тупой болью в висках, которая не отпускала с самой пещеры. Но на душе было спокойно. План, наконец, сложился. Да и людей вытащить удалось, а главную беду переложу на плечи всей губернии, как и положено.

Во дворе меня встретил Степан, и по его лицу я понял, что отдохнуть мне не дадут. Он переминался с ноги на ногу у крыльца и комкал в руках фуражку.

– Барин, наконец-то! – выпалил он. – Две новости у меня для вас. И обе важные. С какой бы начать...

– Да с любой, Степан. Я сегодня уже ничему не удивлюсь!

– Сергей Викентьевич очухался, – затараторил слуга. – И не просто очухался. Говорит, понял он наконец, отчего его кристаллы тут вполовину быстрее садятся, чем должны. Велел вам передать, чтоб зашли безотлагательно. Мол, дело такое, что ждать никак нельзя, как бы поздно вы ни вернулись.

Ага... А это хорошие новости. Северский разгадал свою загадку. Надеюсь, это облегчит наши проблемы, а не усложнит их.

– А вторая?

Степан замаялся и понизил голос почти до шёпота, будто боялся, что его услышат за углом.

– С Тишью неладно, барин. Совсем неладно.

– Что с ней? Говори толком!

– Есть отказывается, – заявил он. – Молоко совсем не пьёт, хотя раньше ведь хлестала чуть ли не литрами! Никого к себе не подпускает. Шипит, рычит! Даже Ярослава видеть не хочет.

А вот это странно.

– Быть того не может, – нахмурился я. – Ни Ярослава, ни Ярину?

– Может, барин. Может, – Степан развёл руками. – Кого ни пошлём, кидается зверем.

Плохо дело. Не успел я с одной проблемой разобраться, как созрели две другие. С Северским потолковать нужно сегодня же. Но начать лучше с Тиши.

Уж больно всё походит на то, что будущая охранница моих территорий приболела.

А больное не дрессированное животное может причинить людям столько же бед, сколько и монстр, живущий в дебрях Тумалинских лесов.

Глава 6

Я вошёл в гостиную и сразу понял, что Степан ничего не преувеличил.

Маленькое тело василиска стелилось по полу, и от каждого её рывка по половицам шёл сухой шорох чешуи. Она кидалась из угла в угол, замирала, вскидывала узкую голову, шипела на пустоту и снова срывалась с места. Блюдец с молоком стояло посреди комнаты нетронутым, и она обходила его по широкой дуге, будто там лежало что-то опасное.

Ярослав сидел на корточках у стены, вытянув руку ладонью вверх. Тот самый жест, на который Тишь всегда отзывалась, тянулась к родственной крови бывшего Полоза. Сейчас она проскользнула мимо его ладони, даже не повернув головы, и забилась под кресло.

– Не идёт, хозяин, – растерянно проговорил он, не поворачиваясь ко мне. – Уже второй час мечется. Будто и не узнаёт вовсе.

– Я уж и так, и эдак пробовала, – Ярина раздражённо отбросила бесполезный корешок. – Молоко не пьёт, на руки не даётся, травы нюхать не желает. Хотя ещё вчера они её успокаивали. Как по мне, так она просто заболела, Дубровский. Подцепила что-нибудь, вот и кидается на всех.

Она сидела на полу прямо напротив кресла, под которое забилась Тишь, поджав под себя босые ноги.

– Она не больна, – возразил Ярослав у стены. – Я бы почуял. В ней одна кровь со мной, древняя. Хворь в такой крови я услышал бы, как слышу свою. Тут что-то другое.

– “Другое”, – Ярина передразнила Ярослава и фыркнула. – Спасибо, прояснил. А что именно другое, сказать не можешь? Нет? Вот и я не знаю. Так и будем сидеть гадать, пока она себе хвост не отгрызёт? – Друидка сдула с лица упавшую прядь.

– Лиза уже смотрела Тишь. И не нашла ничего, – шипящим голосом ответил Ярослав.

Они переговаривались каждый о своём. Ярина мерила василиска мерками друда и искала хворь, прикидывала снадобья. Ярослав чуял в Тиши родную кровь и тянулся к ней нутром, по-змеиному. Оба были по-своему правы и оба не попадали в цель, и я понимал почему. Ни тот, ни другая не знали того, что знал я.

Опустился на одно колено у кресла, заглянул в темноту. Оттуда на меня сверкнули два испуганных глаза и раздалось предупреждающее шипение.

Понятно. Со мной контактировать тоже не желают.

Воздух в гостиной дрогнул, и передо мной соткалась знакомая фигура Валерьяна. Дед явился, как всегда, без приглашения, показался всем и первым делом сунул нос под кресло, разглядывая забившегося василиска.

– Болезнь, говорите? – призрак выпрямился и с сомнением поскрёб подбородок, сквозь который просвечивала стена. – Не припомню я такого, чтоб магические звери болели. Эти существа не совсем из этого мира. Их хворь людская не берёт. Это что-то другое, помяните моё слово.

– Тогда что? – Ярина задрала голову, глядя на призрака. – Если не болезнь, то с чего ей беситься? Сытая, в тепле, под крышей. Чего ей не хватает-то?

– А вот это вопрос, – развёл руками Валерьян. – Я призрак, а не лекарь по змеиной части. Стоило деду это сказать, как в дверях гостиной мелькнул рыжий пушистый хвост.

Пушок взлетел на спинку кресла, обвёл комнату чёрными бусинами глаз и тут же устоялся на мечущегося василиска.

– Ого! А тут у нас что-то интересное! – Пушок привстал на задние лапки, распушил хвост от любопытства. – Чешуйчатая-то совсем умом тронулась! Гляди, как скачет. Обезумела, не иначе. Допрыгалась, змеюка.

– Пушок, вот честно, не до тебя сейчас. Иди, куда шёл, – мысленно ответил я белке.

Умеет он отвлечь в самый неподходящий момент!

– Так я и шёл! – оскорбился зверёк. – За орехами! А орехи-то, между прочим, снова закончились! А вместо них у меня теперь что? Безумная ящерица в гостиной!

Я уже собирался отослать наглого вредителя подальше и осёкся на полуслове.

Обезумела... Умом тронулась...

Вот оно! Слова Пушкина вытащили на свет самую важную мысль. Я выпрямился так резко, что Ярина и Валерьян разом обернулись ко мне.

– Она не больна, – сказал я уже вслух. – Дело совсем в другом. Вспомните, что Тишь сделала недавно. Она ведь сама, без всякого моего участия, привязала себя к Кругу Тишины.

Ярослав поднялся от стены. Жёлтые глаза с вертикальными зрачками остановились на мне, и в них читалось непонимание.

– К твоему щиту, хозяин, – медленно проговорил он. – Я помню. Но как это связано с тем, что она мечется? Щит охраняет твои земли. Тишь под его защитой, как и все мы. Защита не должна причинять боль.

– Защита не должна, – согласился я. – А вот то, от чего она защищает, ещё как может.

Я шагнул к креслу и опустился рядом с ним на пол, не делая резких движений. Протянул руку не так, как Ярослав, а просто положил её на половицы, ближе к темноте, где пряталась Тишь. И потянулся к ней тем чувством, которым тянулся к лесу, минуя тело.

И сразу всё понял.

Через Тишь шёл удар, давящий на сознание изнутри. Тенелист снова бил по моим землям, проверял Круг на прочность, искал щель. Но в этот раз почему-то Тишь решила взять удар на себя.

Тенелист давил, а она, не умея ни отразить, ни сбросить, металась под этим давлением. Она не сошла с ума. Тишь держала удар, который не по силам держать никому, кроме меня.

Причём забрала его полностью. Так, что я даже ничего не почувствовал. Щит даже не дрогнул – вся атака сразу легла на разум василиска.

– Тише, – проговорил я. – Тише, маленькая. Я разберусь, обещаю.

Я сосредоточился. Удар по Кругу я ощущал как натянутую нить, идущую из глубины мёртвой зоны, от Тенелиста ко мне. По этой нити шёл чужой холод.

Я перехватил поток на себя, оттянул его прочь от василиска, пропустил через собственное сознание. На миг в голове потяжелело, словно лоб стянуло железным обручем.

А затем сделал то, что продельвал уже не раз. Не стал держать оборону пассивно. Собрал чужой удар и швырнул обратно по той же нити, в самую глубину мёртвой зоны. Ответный импульс. Пусть Тенелист знает, что щит ещё и кусается.

Нить дрогнула, натянулась и обмякла. Давление схлынуло, отступило куда-то вдаль. На сегодня всё.

В тот же миг из-под кресла на меня хлынула волна благодарности. Тишь выползла из-под кресла.

Медленно, неуверенно, она подобралась к моей лежащей на полу руке и уткнулась в ладонь узкой головой. Она обвилась вокруг моего запястья, обмякла, и я почувствовал, как уходит из её тельца та лихорадочная дрожь.

– Вот так, – тихо сказал я. – Всё уже прошло.

Ярина смотрела на это, приоткрыв рот. Валерьян крикнул и покачал прозрачной головой.

Я осторожно поднялся, держа василиска на руке, и поднёс его к блюду с молоком. Тишь повела ноздрями, опустила голову и принялась лакать – торопливо, будто навёрстывая упущенные часы. Опустошив блюдо наполовину, она оторвалась, моргнула и сама перебралась с моей руки на расстеленный плед. Свернулась там кольцом, уткнула голову под бок и почти сразу засопела, провалившись в сон.

Несколько секунд в гостиной стояла тишина. Потом я подробно объяснил присутствующим, что случилось с Тишью.

– Тенелист, вот сволочь! – выдохнула Ярина. – Он бил по нам, а эта пигалица всё на себя приняла.

– Приняла, желая защитить свою новую семью. Но немного не рассчитала свои силы, – подтвердил я.

– Но перехватил ты, – проворчал призрак, но как-то одобрительно, что ли. – И ответку послал, я почувал. Молодец, чего уж там. Только ты учти, Всеволод. Пока она к щиту привязана, всякий раз так будет.

Ярина перевела взгляд с дремлющего василиска на меня.

– А отвязать её нельзя? – спросила она. – Ну, от Круга твоего. Чтоб не доставалось ей. Я покачал головой.

– Она сама привязалась. Значит, и отвязывать придётся как-то так же, через её собственную волю. А она, сдаётся мне, отвязываться не захочет, – я глянул на свернувшуюся клубком Тишь.

Ярослав подошёл к пледу, опустился рядом со спящим василиском.

– Хозяин, – проговорил он, не отрывая взгляда от Тиши. – Скажи. Теперь она каждый раз будет так? Брать его удары на себя?

Хороший вопрос. И честного ответа на него у меня пока не было.

– Если захочет, – сказал я. – Похоже, это было её собственное решение. Никто её не заставлял лезть под щит. Она сама приняла удар. А как она это делает, я и сам пока не до конца понимаю.

Я тоже смотрел на спящего василиска и думал. В теории, когда Тишь подрастёт и войдёт в полную силу, она будет отбивать такие удары играючи, не замечая их, как я смахиваю надоедливую мошку. Древняя кровь, окаменяющий взгляд, сила, какой в этих краях давно никто не видел. Тенелист для неё со временем станет досадной мелочью. Но это потом.

А пока она мала, слаба, и каждый такой удар даётся ей через боль. Значит, пока ей надо помогать. Перехватывать удар на себя, как сегодня. И показывать на собственном примере, как с этим справляться, чтобы однажды она научилась делать это сама.

Ребёнок взялся за взрослую ношу. Тут только два пути: либо помочь ему эту ношу удержать, либо смотреть, как она его раздавит. Второе меня не устраивало.

– Присмотри за ней, – сказал я Ярославу. – Пусть отсыпается. Если снова забеспокоится, зови меня немедленно, в любой час. Я обязательно приду.

Ярослав молча кивнул и остался сидеть у пледа, как верный страж.

Я вышел из гостиной. На душе скребло. Тенелист бил всё чаще, прощупывал оборону настойчивее, чем раньше.

Не успел я отойти от дверей и десяти шагов, как следом по коридору метнулся рыжий комок. Пушок нагнал меня, взлетел по штанине на привычное место, на плечо, и завозился, устраиваясь поудобнее.

– Слышь, барон, – зашептал он мне своим ехидным голосом. – А пугает меня эта твоя чешуйчатая. Глазищи такие, что насквозь прожигают. Шипит. Того и гляди цапнет. Я вот думаю, может, её куда подальше? В клетку, а? От греха. А то развелось тут зверья опасного, приличному барону и пройти негде.

– Пушок, – сурово начал я, – ты что, так и не понял, что сейчас произошло?

– А чего тут понимать? – фыркнул он. – Чешуйчатая с ума сходила, ты её погладил, она и успокоилась. Делов-то!

– Эта, как ты выразился, чешуйчатая, – сказал я, и в голосе моём прорезалась сталь, – только что в одиночку приняла на себя удар Тенелиста. Удар, который держу я один, потому

что больше в этих землях его держать некому. А она, малявка размером с твой хвост, удержала. Сама вызвалась. Понимаешь теперь?

Пушок замолк. Я почти физически ощутил, как в его пушистой завистливой головёнке ворочаются мысли.

– Ну... – протянул он наконец недовольно. – Подумаешь, удар приняла! Я бы тоже принял, если б захотел. Просто меня никто не просил. А попроси меня, я б ещё и не такое...

– Не сомневаюсь, – хмыкнул я.

– А чего таким тоном?! – вскинулся он. – Будто не веришь! Я, между прочим, при жизни целым баронством правил, пока меня в эту вот рыжую шкурку не запихнули! А теперь от меня ещё и подвигов ждут. Где это видано, чтоб барон по дуплам орехи прятал?!

Я едва сдержал усмешку. Всё было ясно как день. Пушок ревновал. Появилась в поместье новая магическая зверушка, которой все занимались, которую все жалели и которая, ко всему прочему, ещё и подвиг совершила. А про Пушка все забыли. Вот он и наговаривал на Тишь и тем самым выставял себя в ещё более глупом свете.

– Знаешь что, Пушок, – примирительно сказал я. – Раз уж ты у нас на многое способен, занялся бы чем-нибудь полезным. Вон, Тишь себе дело нашла. А ты чем хуже?

– Полезным? – Пушок озадаченно почесал лапкой за ухом. – Это чем же таким полезным?

– А вот сам подумай. У тебя голова есть, нюх, лапы быстрые. Найди себе занятие по душе. Чтоб от тебя польза была, а не одни жалобы на орехи.

Пушок надолго задумался. Потом, так ничего и не сказав, спрыгнул с плеча и шустрым рыжим росчерком метнулся куда-то по коридору, видимо, искать себе поприще.

Я усмехнулся про себя, глядя ему вслед. Знал бы я заранее, к чему это приведёт, может, и не подталкивал бы. С этого пройдохи станется в попытках принести пользу разнести половину дома. Но сейчас мне было не до беличьих амбиций. Пусть себе думает. Голова занята, значит, под ногами не путается. Уже хорошо.

А меня сейчас ждал другой разговор. Куда более серьёзный.

Палата Северского располагалась в санатории, и шёл я туда с осторожным любопытством. Степан передал, что Сергей Викентьевич пришёл в себя, разгадал загадку своих кристаллов и требовал меня безотлагательно. Что ж, слушаем.

Я толкнул дверь и вошёл.

Северский полулежал на подушках, и выглядел он несравнимо лучше, чем при нашей последней встрече. Желтизна с лица почти сошла, дыхание выровнялось, в глазах появилась осмысленность. В правой руке он сжимал мутно-зелёный кристалл, а у постели, на табурете, дежурила Лиза, проверяя его пульс.

У окна, привалившись плечом к стене, стоял Виктор.

– Господин Дубровский, – проговорил Северский, и голос его, ещё слабый, звучал куда твёрже прежнего. – Хорошо, что зашли. Я уж боялся, до утра вас не дождусь.

– Мне передали, вы хотели меня видеть, – я кивнул Лизе. – Как он?

– Лучше, – коротко ответила целительница, поднимаясь с табурета. – Сердце ровнее, отёки спадают. Купель и камень своё дело сделали. Но печень я пока не вытянула, тут работы ещё на много дней, – она собрала свои склянки и направилась к двери. – Оставлю вас. Мне ещё двоих новых пациентов надо осмотреть,

Она вышла, прикрыв за собой дверь. Мы остались втроём.

– Так что вы хотели сказать, Сергей Викентьевич? – спросил я, придвигая табурет к постели. – Степан говорил, вы разгадали загадку с кристаллами.

– Разгадал, – Северский слабо усмехнулся. – Прост ответ оказался, барон, до обидного прост. А я-то всё на ваши земли грешил, думал, выдавливают они из меня силу. Ничего подобного. Земля ваша тут ни при чём.

– Тогда в чём же дело?

Он приподнял руку с зажатым в ней кристаллом.

– В самих камнях, – сказал он. – Я же как очнулся, первым делом за свои запасы взялся, проверить хотел. И понял. Камни, что я с собой вёз, разряжены были. Оттого и не держали меня, как положено. Они сюда уже полупустыми приехали. Я по привычке думал, что в каждом полный заряд, как всегда, а там хорошо если половина.

Я откинулся на табурете, обдумывая услышанное. Что ж, это снимало добрую половину моих тревог. Версия про лес, выдавливающий чужую силу, отпадала, а с ней и неприятная мысль, что рядом со мной ни один маг земли долго не протянет. Уже хорошо.

– Я отправил Кузьмича за свежими, – продолжил Северский. – К вечеру вернётся, привезёт полные. С ними я живо на ноги встану, вот увидите.

– Допустим, – проговорил я. – Но камни не разряжаются сами по себе. Если они приехали полупустыми, значит, кто-то их разрядил. И сделал это намеренно. Кто мог?

Лицо Северского помрачнело. Он помолчал, перекатывая кристалл в ладони.

– Думал я об этом, – произнёс он наконец. – И полагаю, сосед постарался. С другой стороны от моих земель сидит барон Чумской. Сосед мой давний и, прямо скажем, не из приятных, – старик скривился, будто проглотил что-то горькое. – Видите ли, барон, наследников у меня законных нет. А земли мои Чумскому давно покоя не дают, граничат вплотную. Случись мне умереть, он первый оттяпать их захочет. Вот ему и выгодно, чтобы я в землю лёг поскорее. Сам руки пачкать он опасается, а камни подпортить, чтобы старик сам тихо угас в дороге – в самый раз.

– И вы уверены, что это он?

– Доказательств у меня нет, но больше некому, – Северский неожиданно сжал свободную руку в кулак, и в этом жесте мелькнула прежняя баронская стать, которую болезнь почти сломала. – Только не дожждётся он. Слышите? Не для того я с того света вернулся, чтобы Чумскому угодить! Поправлюсь ему назло. И ещё на его похоронах спляшу, вот увидите!

Я отметил перемену. Ещё несколько дней назад Северский был полумёртвым стариком, который шептал, что умрёт в одиночестве. А теперь в нём проснулась злость, та самая, что гонит человека вперёд вернее любого лекарства.

– И что ты с Чумским делать будешь? – спросил Виктор, глядя на отца. – Если он и впрямь тебя извести пытался.

Вопрос был задан вроде бы просто, но я уловил в нём второе дно. Виктор спрашивал не из праздного любопытства. Он до сих пор не дал ответа на предложение отца, не решил, входить ему в род Северских или нет. А от того, как поведёт себя отец, как поступит с обидчиком, многое для него зависело.

Виктор взвешивал. Смотрел, что за человеком стал спустя долгие годы Сергей Викентьевич на самом деле, теперь, когда смерть отступила и можно судить о нём не по предсмертному бреду, а по делам.

Северский это тоже понял. Он не спешил с ответом, обдумывал, и я видел, что отвечает он не столько мне или себе, сколько сыну.

– Тут, Витька, несколько путей, – проговорил он медленно, спустя целую минуту. – Вот смотри. Если ты примешь моё предложение, войдёшь в род, станешь моим законным наследником, тогда Чумской сам угомонится. Ему ведь что нужно? Земля бездетного старика. А если у меня объявится сын и наследник, признанный по закону, то и претендовать ему станет не на что. Вся его затея потеряет смысл. Тогда я и отделаюсь малой кровью. Завалю ему забор по меже, а если спросят, то скажу, вон ветром повалило, пусть восстанавливает и злится. Мелко, конечно, за попытку извести меня раньше срока стоило бы ответить и покрепче. Ну да ладно. Стары мы с ним оба для большой свары.

Он перевёл дух и продолжил, уже жёстче:

– А вот если останешься бастардом без прав, тогда дело другое. Чумской поймёт, что наследника у меня как не было, так и нет, и не остановится. Раз попробовал камни подпортить, попробует и ещё что. А мне тогда придётся себя обезопасить всерьёз. Вот такой расклад, Витька.

В палате повисла тишина. Виктор стоял, опустив голову, и желваки на его скулах ходили ходуном.

Я не вмешивался. Старик сказал всё верно и, что важнее, сказал честно.

Виктор так ничего и не ответил. Только глянул на отца исподлобья, коротко, и отвернулся к окну. Решение он ещё не принял.

Северский не стал на него давить. Мудро. Откинулся на подушки, прикрыл глаза, перевёл дух.

– С Чумским я разберусь, – проговорил он спустя время уже спокойнее. – Так или иначе. Не первый день на свете живу, повидал и не таких соседей. Дело терпит, после собрания решу, – он приоткрыл один глаз и посмотрел на меня. – А вот собрание не терпит, господин Дубровский. Завтра уже. И тут вот какая проблема выходит.

– Какая же?

– Как я туда поеду? – Северский слабо повёл рукой вдоль укрытого одеялом тела. – Вы на меня посмотрите. Я пока на ногах толком не стою, без чужой руки и до окна не дойду. А надо ехать в Волгин, в полный зал, под взгляды всей губернии, и там ещё держаться, говорить, давать показания.

– О том, как вы доберётесь до собрания и досидите до конца, не стоит переживать, Сергей Викентьевич, – ответил я. – Жизни вашей уже ничто не угрожает, тут Лиза своё дело сделала. А чтобы вы продержались завтра весь день на ногах, есть у меня один способ. Помимо ваших камней.

Глава 7

– Сергей Викентьевич, есть способ продержаться завтра. И подсказали мне его вы сами. Северский приподнял бровь, перекатывая кристалл в сухой ладони. Камень был мутный, выдохшийся, и старик гонял его между пальцами уже скорее по привычке, чем ради какой-то пользы.

– Я? – он усмехнулся одним уголком рта. – Не припомню, барон, чтобы давал вам советы. Скорее наоборот у нас с вами обычно выходит.

– Вы сказали – будь у вас полностью заряженные камни, то встанете на ноги и продержитесь столько, сколько потребуется. Было такое?

– Было, – он кивнул не сразу, словно проверяя себя. – Кузьмич к вечеру обещал привезти свежие. Я говорил уже.

– Привезёт. Только заряжены ли они будут как следует? Вы сами признались, что прежние приехали полупустыми. Как мы можем быть уверены, что новые окажутся лучше? Если за этим стоит Чумской, он мог дотянуться и до ваших запасов в усадьбе. Какой путь проделывают эти кристаллы?

– Ну, как я и сказал, их Кузьмич возит. Из города, от лавочника, – старик помолчал. – А лавочник берёт у кого придётся. Мне о том знать не положено было, я платил да брал.

– Вот видите. Через сколько рук прошёл ваш камень, прежде чем лечь вам в ладонь, вы не считали ни разу. А руки там могут быть нечистые. Камень и подменить недолго. Да и заряд из него можно спустить тайком, чтоб вы про то узнали в самый неподходящий момент, посреди собрания.

Кристалл замер в его пальцах. Об этом старик, судя по лицу, даже не подумал. Он поднёс его к глазам, будто впервые увидел в нём не подмогу, а возможную измену.

– И что вы предлагаете? – спросил он уже без лёгкости в голосе. – Зарядить камни прямо здесь? Барон, вы плохо представляете, как это делается. Чтобы наполнить кристалл, нужны излишки силы магии земли. Непременно земляной, родственной по природе. Я в прежние годы так и поступал. Сила за день не вся уходит, остаток некуда девать, вот я его в камни и сливал, как воду в кадку про запас. А теперь излишков нет. Мне самому едва хватает сердце гонять да ноги переставлять.

– Камни заряжать я и не собираюсь, – ответил я. – Не моё это ремесло. Чужую вещь, сделанную не мной, я наполню кое-как, навряд ли даже наполовину. Да и вряд ли вам это поможет. А нам нужна стопроцентная гарантия, что вы завтра спокойно отсидите всё собрание. Я предлагаю нечто иное. Не камень. Оберег!

– Оберег? – Северский нахмурился. – Вы уж не обижайтесь, барон, но звучит это... Кто в здравом уме будет доверять оберегам? Это крестьянское дело! Я дворянин, а не деревенская повитуха, чтобы ересь всякую на шее таскать!

Видать, барон ещё многого не понимает.

– Вы сильно ошибаетесь. Не понимаете, как друидическая магия работает, – я достал из-за пазухи то, что собрал ещё с вечера, и положил на одеяло. – Вот, взгляните. Что скажете? Всё ещё думаете, что мой оберег похож на крестьянскую поделку?

Старик выпучил глаза. На белом полотне лежала созданная мной хрупкая вещица. Чёрный корень, выкопанный из-под старого дуба, что рос у моей рощи. Я обточил его, и теперь он лёг в ладонь как влитой. В развилку корня я вживил жёлудь, ещё живой, не высохший, а в основание вплёл прядь конского волоса и тонкую жилу серебра, оплавленную по краю.

Всё строго по учебникам Валерьяна. По которым я продолжал тренироваться почти каждый день.

– Корень дуба, – начал я, тронув оберег пальцем. – Дуб берёт силу из земли и держит её дольше всех деревьев, оттого и живёт по триста лет. Жёлудь – семя, в нём тоже есть жизнь, но она свёрнута, ждёт своего часа. Серебро силу проводит, а волос вяжет одно с другим. По отдельности это обычный мусор из-под дерева. А вместе выходит могущественный сосуд. Только наполнять его будем не одной магией земли, как ваши камни. Камень держит сухую силу, мёртвую. А этот возьмёт две сразу. Магию земли и магию жизни. Вместе они не дадут вам упасть. Эти две силы отличаются друг от друга, но в то же время они связаны. Как сёстры в каком-то смысле. И держать этот оберег вас будет не час и не два, как ваши кристаллы. А целые дни.

Северский долго молчал, разглядывая корень на одеяле. Потом перевёл взгляд на меня, и в глазах его смешались недоверие и невольное любопытство.

– Складно поёте, барон. Да только кто его наполнит, ваш корень? Вы давеча сами сказали, не ваше ремесло земляную силу лить.

– Моя задача состоит в другом, – помотал головой я. – Провести силу через себя и уложить её в оберег – вот что мне нужно сделать. А магию земли даст другой человек, – я обернулся к окну, где у стены, скрестив руки, молча стоял Виктор.

– Витька, – произнёс старик. – Это вы про него?

– Про него. Виктор – маг земли. Той же крови, что и вы. Кому, как не сыну, дать силу земли для отцовского оберега.

Виктор оттолкнулся плечом от стены. Лицо его осталось ровным, но плечи выдали напряжение, я заметил, как натянулась ткань на спине.

– Я готов попробовать, – проговорил он. – Если делу поможет.

Северский упрямо замотал головой.

– Ничего не выйдет, барон. Я порыв ценю, да вот толку от него не будет. Витя, ты пойми правильно, не в обиду тебе, – он повернулся к сыну, и голос его смягчился. – Сила твоя ещё не та. Я её отсюда чую, с подушки. Хорошая сила, крепкая, в наш корень пошла. Но её ещё развивать надо. Пока что она слишком молодая да непокорная. Её мало просто влить.

– Конечно, – подтвердил я. – Ничего не получится, если Виктор напрямую будет вливать в оберег. Тут вы правы. Для этого-то я вам и нужен.

– Не совсем понимаю, что вы хотите сделать, господин Дубровский, – нахмурился старик.

– Слушайте, как мы поступим. Я уже всё продумал. Виктор отдаёт силу земли. Я принимаю и пропускаю через себя. Обтёсываю её, подгоняю под вас. И тут же добавляю свою магию жизни. На выходе в оберег идёт уже не дикая молодая мощь, а две силы, свитые в единое целое. Корень примет их и удержит. Куда дольше камня.

Старик долго молчал. Пальцы его замерли на одеяле, и я видел, как он перебирает в уме всё, что знал о магии за свою долгую жизнь, и не находит этому места.

– Ох и мудрёно же всё это звучит, барон... – вздохнул Северский. – Думаете, получится?

– Получится, – кивнул я. – На деле выйдет проще, чем на словах. Доверитесь?

Северский поглядел на сына, потом на меня. Вздохнул.

– А куда мне деваться? Вариантов у меня немного. Либо слушаться вас, либо – на тот свет. А я ещё не вернул вам должок. Да и с Виктором... – он осёкся. – С сыновьями своими не разобрался.

Охотник, видимо, захотел прервать монолог отца и тут же подошёл к изголовью кровати.

– Что мне делать? – спросил он коротко.

– Для начала выйдем во двор. В палате зарядить оберег не получится, – пояснил я.

– Почему во двор? – Северский поморщился. – Зачем вам двор-то этот сдался? Холодно там по вечеру. Я простыну, и без оберега помру, и с оберегом!

Тьфу ты! Он ещё и капризничает. Нашёл время!

– Не помрёте, – отрезал я. – Корень родился на этой земле и наполнять его проще неподалёку от леса. Здесь, между нами и почвой перекрытия и доски. Я докричусь и сквозь них, только крику будет много, а толку мало.

Старик хотел возразить, открыл было рот, но передумал. То ли сил спорить не осталось, то ли любопытство пересилило. Виктор подхватил его вместе с одеялом и понёс во двор. Я взял оберег, завернул в платок и пошёл первым, освещая лестницу свечой.

Нашёл место у старой яблони. Там земля не утоптана, значит и магия будет проходить лучше.

– Кладите его сюда, на траву, – велел я Виктору.

– Я на земле не сидел с тех пор, как чин получил, – проворчал старик, но опустил без спора.

Я положил оберег на землю у самых корней яблони.

– Теперь слушай внимательно. Я не возьму у тебя силу, как берёт твой отец, – объяснил Виктору я. – Вместо этого я её попрошу у земли. Ты, главное, передавай мне силу ровным потоком. Не лей через край, не жми. Дальше моя забота.

– А если перелью? – уточнил он. – Знаешь ведь, я, если магией и пользуюсь, то сразу её выбрасываю. Вдруг разом всё выйдёт?

– Не беспокойся, не перельёшь. Земля лишнего не примет, а я лишнего не пропущу. Будет много – прикрою. Будет мало – попрошу ещё. Твоё дело отдавать ровно и следить за дыханием.

Я прикрыл глаза и мысленно потянулся к роще. Из самого Истока силу я тянуть не стал, ни к чему будить лес ради одного оберега.

– Давай, – скомандовал я.

Виктор выдохнул. Сила пошла от него в почву, и я сразу же ощутил её в себе. Энергия воспринималась тяжело. Будто мне на плечи мешок влажной глиняной земли повесили.

Я принял магию не в себя. Вместо этого сразу же направил её через корни яблони. Пустил по дереву вверх, к ветвям, и оттуда вниз, к оберегу. Как электричество перемещается по проводам, так и магический ток заструился по живой древесине. И направленная мной сила менялась в самом древе. На выходе её уже было не узнать.

Жизнь и земля – две струи сплелись, обвили друг друга, и я повёл их вместе в чёрный корень оберега.

– Чуете? – спросил я, не открывая глаз.

– Чую, – отозвался Северский. Голос его дрогнул. – Тепло пошло! Поверить в это не могу, барон... От вашего корешка жар как от печи. И в грудь отдаёт, и в ноги. Камни мои так не грели сроду.

Через пару минут ритуал можно было уже завершать.

– Всё, хватит, – сказал я Виктору, когда корень налился до краёв и жёлудь в нём перестал набухать. – Закрывай. Только не спеша. Не разрывай поток слишком резко.

Виктор отнял руку от земли. Поток иссяк не сразу – ещё дотёк остаток – и смолк. Я открыл глаза и поднял оберег с травы. Он был полностью готов.

– Готово, – сказал я и протянул оберег старику. – Носите на груди, под сорочкой, у самого сердца. Корень будет питать вас сам, понемногу, и землёй, и жизнью. Этого должно хватить на три дня.

Северский взял оберег дрожащими пальцами и поднёс к глазам. Лицо старика начало меняться. Серая бледность отступала, в щёки возвращалась краска, и спина, что весь день горбилась над одеялом, понемногу распрямилась.

– Я её чувствую, – прошептал он. – Сила возвращается. Получилось, Всеволод Сергеевич. У вас получилось... – он повесил оберег на шнур, спрятал под сорочку, прижал ладонью к груди. – Я перед вами в долгу, барон. Не за корешок. За то, что не дали при всех опозориться.

Без берега я точно на суде свалюсь. Хотя вы имели полное право не помогать мне. Учитывая, как я с вами поступил ранее...

– Сочтёмся, – ответил я и поднялся, отряхивая колени от прилипшей полыни. – Виктор, помоги отцу встать. Расходимся. Нам всем надо отдохнуть. Завтра будет очень непростой день.

Да... Время, наконец, пришло. На завтрашнем собрании решится не только моя судьба, но и судьбы многих людей. Я бы даже сказал, что от исхода суда зависит будущее всей Саратовской губернии.

К утру Северский держался на ногах сам, без палки и без чужого плеча.

Мы выехали в Волгин рано. Ещё даже светать не начало. На улице было темно и прохладно.

Я, Северский, Виктор и Слава. Охотники шли при нас как охрана, хоть на собрание их и не пустят. Но пусть лучше с нами будут те, кто сможет прикрыть спину, если вдруг что-то пойдёт не по плану.

Всю дорогу старик молчал, глядел на окружающий нас лес и время от времени поглаживал берег на груди.

Вскоре мы добрались до Волгина. Уездный суд стоял на центральной площади. Он находился в огромном трёхэтажном здании с колоннами и широкой лестницей. Сегодня здесь будут судить не по обычному укладу, не воров и не должников.

Насколько я знаю, с дворянами в этом мире закон обходится иначе. Меня не может судить тот же человек, что разбирается с обычными гражданами.

Астахов кратко рассказал мне, как работает эта система, но подробности мне предстоит узнать уже в процессе разбирательств.

– Дальше нам нельзя, – сказал Слава, остановившись у нижней ступени. – Мы тут постоим, у входа. Если надо чего, кричите, мигом прибежим.

Мы с Сергеем Викентьевичем прошли внутрь. Шёл старик относительно бодро. Учитывая, что ещё пару дней назад его от трупа было сложно отличить, можно сказать, будто он и вовсе полностью выздоровел.

Оказавшись в фойе, я завертел головой, высматривая Астахова. Юриста нигде не было, хотя суд уже скоро должен начаться. Зато у колонны обнаружили двое, кого я предпочёл бы не видеть вовсе.

Барон Пётр Алексеевич Чернов стоял, заложив руки за спину, и смотрел на меня с таким отвратительным прищуром, будто я действительно в чём-то виноват перед ним. Хотя мы оба знаем, что все эти обвинения – клевета.

Рядом с ним был Георгий Николаевич Озёров. Граф покручивал на пальце тяжёлый перстень. Завидев меня, оба тут же двинулись навстречу. Будто только и ждали моего появления.

– Барон Дубровский, – протянул Озёров. – Какая встреча. А я уж думал, вы не доедете. Дороги нынче опасные, сами знаете. Всякое случается с теми, кто едет один по нашим-то местам. То мост подгниёт, то лихие люди попадутся.

– Несомненно опасные. Особенно благодаря моим “добрым” соседям, – сухо усмехнулся я. – Благодарю за беспокойство о моём здоровье, граф. Не ждал от вас такой заботы. Прямотаки растрогали.

Чернов усмехнулся, но усмешка вышла кривая.

– Не обольщайтесь, – добавил Чернов. – Полагаю, граф просто изъявил любопытство. Нам обоим интересно, с чем вы сюда явились. С пустыми руками или всё же надумали признать вину. Дело против вас тяжёлое, иной бы на вашем месте уже в ногах валялся.

– Дело тяжёлое, – закивал я. – Спору нет. Только тяжёлое оно для того, кто его затеял.

– Дерзко, – заметил Озёров. Резко перестал крутить свой перстень. – Очень дерзко для мальчишки, который и года на своей родовой земле не прожил. Иные за такую дерзость головой платили.

– А вы насчёт моей земли не беспокойтесь, – ответил я. – Вы всё гадаете, достанется ли она вам... Но я бы на вашем месте не стал надеяться, что суд закончится для вас добром, Георгий Николаевич. Ну... Не будем гадать! День длинный, всё ещё впереди.

Озёров открыл рот, лицо его дёрнулось, но сказать он ничего не успел.

– Господа, – раздался со стороны знакомый голос. – Я бы попросил отложить любезности до начала заседания. Барон, я вас уже обыскался!

Астахов поднимался по ступеням, прижимая к боку потёртую кожаную папку. Выглядел он так, будто не спал с тех пор, как мы с ним в последний раз разминулись. Но при этом старался выглядеть бодрым и нервно подёргивался, словно выпил чуть ли не смертельную дозу кофе.

Чернов и Озёров переглянулись и молча отступили. Отошли к колоннам, но взглядов с меня не сводили.

– Аркадий Аристархович, – я приветственно кивнул юристу и с облегчением выдохнул. – Я уж было решил, что вы передумали и оставили меня одного среди волков.

– Такое в мои привычки не входит! Если и опаздываю, Всеволод Сергеевич, то исключительно по делу, – мы обменялись рукопожатиями. – У меня для вас есть хорошая новость и дурная. С чего начать прикажете?

– С хорошей, разумеется. Дурноты нам сегодня и на суде хватит.

– Резонно. В общем, я просчитал дело со всех сторон, всю ночь над ним просидел. Бумаги ваши в порядке, я их трижды перебрал. Показания свидетелей уточнил. Всё, что мы с вами планировали, готово! Я бы сказал, что вероятность нашей с вами победы – шестьдесят пять из ста, – он понизил голос. – Поверьте, по нашему ремеслу это много, барон. С такими картами садятся играть смело и встают с прибылью.

– Рад слышать. Хоть и не скажу, что такой процент меня устраивает, – заключил я. – А что за дурная новость, которую вы упомянули?

Астахов помолчал, поправил папку под мышкой, оглянулся на колонны, где маячили Чернов с Озёровым.

– Предчувствие у меня скверное, барон. Тяжко я себя ощущаю с самого утра. С тех пор как из дому вышел, дурнота подкатывает. Будто мы чего-то не знаем, а враги про нас знают всё. Словно... Знаете, в карточных играх бывает двойной козырь...

– Да что ж вы сегодня всё про азартные игры да про вероятности твердите! – я с трудом сдержал улыбку. – Господин Астахов, вы меня удивляете. Сначала вы собираете факты, изучаете законы, а затем заявляете, что у вас дурное предчувствие. С каких это пор юрист верит приметам?

– А вы не смейтесь, – сказал он серьёзно. – Бумаги говорят, что я должен знать. А предчувствие говорит о том, чего я знать не могу. Нутро меня ещё ни разу не подвело, понимаете? Бумаги подводили, а нутро нет! Так что будьте внимательны, барон. Особенно если почувете, что мы побеждаем. Враги тоже хорошо подготовились.

– Учту, не беспокойтесь, – кивнул я.

– Идёмте. Сейчас уже начнётся заседание.

Я подставил Северскому локоть, и мы вошли в зал.

Вдоль стен помещения тянулись несколько ярусов со скамьями. Почти все уже были заняты дворянами.

Вроде ничего необычного. Но всё же я ощущал лёгкий дискомфорт. В лесу находиться гораздо приятнее. Атмосфера здесь давящая. Вокруг меня собралась знать, привыкшая решать чужие судьбы.

Я провёл взглядом по рядам и нашёл своего сюзерена. Граф Бойков сидел во втором ряду слева. Он смотрел на меня, и во взгляде не было ни тепла, ни поддержки, на какую я всё же рассчитывал. Он отвёл глаза первым, раньше меня.

– Видали? – шепнул я Астахову, наклонившись. – Граф Бойков не больно-то горит желанием нас поддерживать.

– Видал, – отозвался поверенный, не поворачивая головы. – Это, барон, как раз и стоит отнести к моему дурному предчувствию. Возможно, Бойкову что-то напели на ухо. И, судя по его лицу, он тому поверил. А если сюзерен в ответчика не верит, дело уже наполовину играет против нас. Помните об этом.

“Чудесные” новости – иначе и не скажешь.

Мы расположились на свободной скамье. Северский опустился рядом. Чувствовал он себя неплохо. Оберег отлично держал его на плаву.

Наконец, в глубине зала открылась боковая дверь, и говор дворян стих сам собой.

В зал вошёл человек в чёрной мантии с серебряным шитьём по вороту. Высокий, костлявый, с длинным бледным лицом. За ним слуга нёс тяжёлый посох с навершием в виде раскрытой ладони, на которой лежали маленькие серебряные весы. Мужчина неспешно поднялся на возвышение.

И в этот момент его слуга ударил посохом о пол и прокричал:

– Блюститель Уложения, его милость Владимир Максимович Стужев.

Скамьи зашуршали, заскрипели. Все, кто находился в зале, сразу же встали, приветствуя блюстителя – судью для дворянского сословия. Даже графы поднялись, и Озёров в том числе.

Я наклонился к Астахову.

– Блюститель Уложения? – шепнул я. – Что ещё за чин такой? Это вы про него мне в прошлый раз рассказывали?

– Высший третейский судья по тяжбам знати, – прошептал он. – Над дворянами в таких делах один он и есть. Что Владимир Максимович скажет, то и является словом закона. И обжаловать некому. Его не назначают сверху, его выбирают сами рода. Всем собранием. И то лишь раз в семь лет. Подкупить его нельзя – сразу вас предупрежу. Бесплезное и опасное занятие. Равно как и запугивать его. За всё то время, что я себя помню, не могу сказать, чтобы Стужев хоть раз осудил кого-то неправомерно. Но... Он всегда на стороне бумаг. Если доказательства наши окажутся слабее, чем у Озёрова... Сами понимаете. На предчувствие он полагаться не станет.

Владимир Максимович опустился в кресло.

– Садитесь, – произнёс он. Голос у блюстителя был сухой, предельно спокойный, но в то же время достаточно громкий, чтобы заполнять собой весь зал. – Открываю слушание по тяжбе родов. Истцы – граф Озёров, барон Чернов. Ответчик – барон Дубровский. Огласим обвинения.

Слуга развернул свиток, откашлялся.

– Барону Дубровскому вменяется. Первое. Незаконное проведение магических экспериментов, что привели к разрушению барьера Поволжской аномалии. Второе. Незаконное проникновение на территорию барона Чернова с последующей кражей его личного имущества. А также третья тема – необходимость проведения комиссии с целью закрытия санатория Дубровского.

По залу прошёл ропот. Да уж, проблем у меня немало! И кажется, отвертеться от всех разом точно не выйдет. Но...

Они ещё не догадываются, с какой информацией сюда пришёл я.

– Что ответчик скажет на обвинения? – Владимир Максимович повернул ко мне бледное лицо. – Признаете вину? Будете отрицать? Или же попросите снисхождения?

Я поднялся. Астахов набрал воздуха в лёгкие и задержал дыхание.

Пора сделать первый ход.

– Ваша милость, – заговорил я. – Ни признавать, ни просить снисхождения я не стану. На каждое из обвинений у меня и моего юриста готов ответ, и ответ полный. Но прежде я прошу занести кое-что иное в Уложение.

Владимир Максимович чуть склонил голову набок.

– Говорите, – попросил он.

– Мы с Аркадием Аристарховичем явились сюда не оправдываться. Вместо этого мы будем обвинять! – заявил я. – И прежде чем это собрание разойдётся по домам, по меньшей мере один из тех, кто сидит сегодня в креслах истцов, покинет этот зал под стражей.

Вот и всё. Первая фаза моего плана началась.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.